

Глава VII

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ ПРОТИВ ФРИДРИХА II (1756—1762)

СЕКРЕТЫ ВЕНЦЕНОСЦЕВ

Начиная с 1748 года дипломатические отношения между Францией и Россией были прерваны. Елизавета никогда не соглашалась признать, что войска, посланные ею на помощь Марии Терезии в конце войны за австрийское наследство, надо бы считать армией наемников. Остальное довершило исключение великой империи из круга участников мирных переговоров в Экс-ла-Шапель, просчеты дипломатов, нарушение д'Аллионом придворного церемониала, которое было воспринято как преступное оскорбление величества.

Первый шаг к новому сближению предпринял Версаль. В 1751 году, после переговоров в Генуе граф де Гимон написал письмо Бестужеву: дескать, не будет ли против канцлер, человек заслуженный и достойный, если Россию посетит эмиссар короля, дабы воочию созерцать добродетели государыни, чья столь возвышенная слава облетела весь мир? Вместо ответа канцлер лишний раз преподавал урок этим французам, которые проявляют такое предосудительное пренебрежение этикетом. Никто, мол, не запрещал подданному Людовика приехать в Россию при условии, что он честный человек и соблюдает при письменном упоминании установленный порядок титулования «ее величества нашей августейшей государыни и императрицы», каковую формулу просят ис-

пользовать и самого короля¹. Подобная пощечина ответа не заслуживала. Однако Людовик сделал новую попытку, сообщив о рождении герцога Бургундского с придачею заверений в дружеских чувствах, которые король питает к «ее императорскому величеству», но реакции, побуждающей к сближению, и тут не последовало.

Тогда кабинет министров замыслил новые подходы. Он решил сделать ставку на шпионов. Торговец Жан Мишель, рожденный в России от четы французов, еще в 1745 году получил наказ передавать во Францию сведения об экономической и политической ситуации в великой славянской державе. Навестив проездом Париж в 1752 и 1753 годах, он обратился в королевский кабинет министров с донесением, что у русских внезапно снова пробудился интерес к Франции. Этот его демарш не привел к каким-либо официальным шагам, но у самого купца инициативы прибавилось. Его ежегодные поездки на Запад не вызывали подозрений у русских властей, поскольку он считался одним из первых в Петербурге торговцев галантереей. Мишелю покровительствовал сам вице-канцлер Воронцов. Так вот, этот последний имел цель — отстранить от власти Бестужева, всем ненавистного англофила, и добиться сближения своей страны с Францией в экономическом, дипломатическом и политическом плане. Он поручил своему посланцу изучить расстановку сил и мнений в Версале. Вскоре купец стал двойным агентом. Секретарь французского посольства Жан Пьер Терсье обещал Мишелю ежемесячное жалованье в 1500 ливров и подряд на 12 000, если тот согласится заняться коммерческим шпионажем и доставкой бумаг из одной страны в другую.

Купец намеревался вместе с одним своим земляком, Пьером Франсуа Госсенсом, открыть в Петербурге торговую контору — первый шаг к восстановлению дипломатических отношений². Санти, церемониймейстер Елизаветы, съездил в Париж инкогнито, чтобы потереться в деловых кругах, зондировать почву. Вернувшись, он подтвердил впечатле-

ния обоих купцов: торговцы, ремесленники и люди искусства горько сожалеют о разрыве между Францией и Россией³.

К этим попыткам сближения стали подключаться и другие персонажи, более или менее подозрительные. Шевалье Мейссонье-де-Валькруассан, атташе посольства в Варшаве, получил приказ присмотреться к состоянию русских войск и оценить шансы скорейшего возобновления контактов между Версалем и Петербургом. В Риге он сталкивался с шевалье де Люсси, известным также под именами Чуди и граф де Пютланж. Этот последний, будучи близко знаком с Иваном Шуваловым, выдал его русским властям. Валькруассан был арестован и препровожден в Петербург, где его подвергли допросу с пристрастием. Но он признался лишь во второй части своей миссии и напирал на желание Людовика — по его словам, большого почитателя Елизаветы — незамедлительно возобновить дипломатические сношения⁴. В конце концов он имел беседу с самим Иваном Шуваловым, тот изобразил ему растерянность и печаль, с какими государыня читает французские газеты. Разве она заслуживает таких сарказмов? Она же обязана поддерживать согласие между государствами и помогать британцам и австрийцам, своим союзникам. Валькруассан возразил, что во власти императрицы устранить «недоразумение», возникшее между двумя дворами. А Шувалов заслужит «бессмертную славу», если поспособствует их сближению⁵. Несмотря на эти разговоры, шпиона задержали в России, где он пребывал под бдительным надзором. В качестве ответной меры Люсси, оказавшись во Франции, также был арестован; это позволило начать переговоры об обмене узниками, но резко обострило взаимное чувство обиды⁶.

Между тем принц де Конти, в ту пору состоявший в близкой дружбе с Людовиком XV, лелеял крайне амбициозные планы: он зарился на Курляндское княжество, престол которого опустел еще в 1740 году, и мечтал о польском троне, некогда доставшемся его деду. Польский король Август III,

одновременно являвшийся курфюрстом Саксонии под именем Фридриха Августа II, с трудом выносил эту двойную нагрузку, которой он был обязан России. Поскольку его здоровье заметно слабело, между влиятельными панями этой аристократической республики уже заключались пари о том, кто станет его преемником. Сейм раздирали противоборства группировок франкофилов и русофилов. Завладеть Варшавой значило бы укрепить главенство Франции в Европе⁷. Но принц де Конти и на этом замысле не остановился, у него на уме было еще кое-что. Елизавета, официально незамужняя, наверняка будет польщена, если предложить ей брак с Бурбоном! Похоже, он всерьез решился предложить руку сорокалетней прелестнице. Казалось, и короля прельщал этот план, но он опасался испортить отношения с Саксонией. Поэтому содействовать успеху интриги он был готов, но так, чтобы официально не иметь к ней касательства. Таков был секрет короля: он питал склонность к двойной политике, которую вел за спиной посольств и министерств.

Следовало найти нового эмиссара, способного разведать, каковы намерения России в отношении Франции. Вскоре выбор пал на Александра Дугласа Макензи, шотландского эмигранта-якобита, последние пятнадцать лет жившего в Париже. В нем никто не угадает шпиона Версаля. Противников должна сбить с толку национальность посланца, а тот станет коммерсантом, путешествующим по Северу. Указания, им полученные, выглядели чем-то немыслимым: он должен был изучить политику и торговлю страны, проанализировать положение государств, граничащих с обширной империей, исследовать русский двор с его интригами и группировками, присмотреться к послам враждебных держав, сблизиться с влиятельными лицами вроде Воронцова и, наконец, прощупать саму императрицу, выяснить, какие чувства она питает к Людовику. Эти директивы были запрятаны в табакерку с двойным дном. Кукловоды интриги рекомендовали Дугласу писать письма, пользуясь условным язы-

ком торговцев мехом: рысь будет означать Бестужева, черно-бурая лисица — английского посла Вильямса, понижение или повышение добычи куньих и собольих шкур — состояние дел, благоприятное для того или другого, а сообщая что-либо насчет русской армии, следовало толковать о мехе серой белки!⁸

Благодаря Мишелю король уже знал, что вице-канцлер готов поддержать перед императрицей идею возобновления дипломатических сношений. Людовик подумывал, не начать ли со «своей сестрой» частную переписку вдали от нескромных взоров своих министров, особенно Берни, ответственного за дипломатию. В этот королевский секрет были посвящены только государственный министр Руйе, ведавший тайной корреспонденцией короля де Брольи, первый секретарь министерства иностранных дел Терсье и принц де Конти. Дуглас покинул Париж, настроенный действовать решительно: сперва потолковать с Воронцовым, потом сойтись поближе с основными столпами режима, действуя исходя из следующих принципов. Сначала — двинуться на приступ нынешнего фаворита царицы, в данном случае — Ивана Шувалова, известного своей расточительностью, пристрастием к игре и удовольствиям. Стало быть, он казался шотландцу легкой добычей. Дуглас полагал, что, если предоставить ему «некоторую сумму», Шувалов не откажется возбудить у Елизаветы гнев против Великобритании. Следующий, как ему представлялось, хитроумный ход заключался в том, чтобы подкупить Трубецкого, «непримиримого врага канцлера»⁹. Но как за это взяться? Тому, кто путешествует в обличье мелкого дельца, в прихожую государыни доступ заказан. И как он, британец, может, не внушая подозрений, расспрашивать русских, как они относятся к Людовику XV?

На своем долгом пути к Петербургу Дуглас пересек Курляндию, чтобы оценить, каковы шансы принца де Конти получить местный престол; однако его письма, посвященные

этой теме, кратки, немногословны, как донесения, составленные по обязанности. В русскую столицу он прибыл в октябре 1755 года и вскоре благодаря Мишелю получил возможность встретиться с Воронцовым. Вице-канцлер показал себя горячим поклонником Франции и дал понять, что Елизавета хотела бы возобновить контакт с Версалем. В отношении других тем он держался осторожнее.

Посол Великобритании почуял врага в беспокойном шотландце, маленькие шпионские маневры Дугласа оказались под угрозой разоблачения, это могло помешать первым робким шагам франко-русского примирения. Воронцов, верный своей привычке сохранять нейтралитет, предоставлял действовать шотландцу, которому втайне желал успеха, но был готов пожертвовать им, если интрига примет опасный оборот. Таким образом, вице-канцлер потребовал, чтобы Дуглас раскрыл свои карты, объявил, что он здесь по приказу Людовика XV, тогда можно будет приступить к настоящему обсуждению ситуации¹⁰. Шпион короля был не против раскрыть свой секрет, но надо же получить соизволение своего монарха, а этого не сделаешь быстро — на доставку почты из одной столицы в другую уходят недели¹¹.

В конце 1755 года Дуглас вернулся во Францию. Едва успел там обосноваться, как получил сообщение из министерства, что идут приготовления к подписанию договора между Лондоном и Петербургом: взамен субсидий Россия предоставит коварному Альбиону 30 000 своих военных! Шпион упустил из виду важнейшую часть своего задания, эти переговоры от его внимания ускользнули. В начале 1756 года кабинет министров узнал, что заключен союз между Великобританией и Пруссией, скрепленный Вестминстерским трактатом, — это было предательство Фридриха, вставшего на сторону извечного врага Франции. У Людовика больше не оставалось выбора, надо было поладить с этими дамами, императрицами Марией Терезией и Елизаветой, при условии, что последняя откажется от союза с британцами.

В апреле 1756 года Руїе снова послал Дугласа в Россию, чтобы заверить императрицу в дружбе короля и просить ее сохранять нейтралитет в европейских конфликтах. Шотландец имел при себе временную верительную грамоту за подписью министра, которой мог распоряжаться по своему усмотрению; к тому же у него были еще два документа на случай, если начнется процедура обмена послами¹². Эти бумаги давали ему возможность быть принятым при дворе, а также позволяли приступить к переговорам и от имени короля подписывать предварительные документы. Принц де Конти дал ему еще одно, особо деликатное поручение: узнать, есть ли шансы на успех у его польских планов. Уступит ли ему Елизавета хотя бы Курляндское княжество? А если нет, не угодно ли ей доверить ему командование одной из русских армий? В вопросе о Польше его указания выглядели противоречивыми, ведь командование означало, что придется во главе войска пересекать ее территорию, доставляя беспокойство населению. Посланец Людовика счел за благо покамест отложить эти щекотливые вопросы и все свое усердие сосредоточить на восстановлении дипломатических отношений.

Дуглас прибыл в Петербург 6 мая и две недели спустя был принят при дворе. На сей раз русские не поскупились: пригласили его участвовать в царскосельских увеселениях, призванных развлекать иноземных послов. Шотландец обратился к Воронцову с просьбой позаботиться, чтобы до ушей ее императорского величества как-нибудь дошел «хотя бы слабый шелест» его громогласных заверений о том, сколь огромна и пламенна его почтительная благодарность. 24 августа (13-го по старому стилю) ему наконец выпала возможность встретиться с Елизаветой. Она осведомилась о здоровье своего брата-короля, открыто и прилюдно выразив свою радость по поводу того, что отношения двух дворов вновь совершенно наладились¹³. Вскоре Дуглас сообщил Тесье, что русская государыня ничего не будет иметь против «прямого и конфиденциального» общения с Людовиком. Послед-

ний по зрелом размышлении согласился на это, но своих главных министров уведомлять не стал, да и сам не сразу перешел к действию.

Коль скоро в Петербурге полномочия Дугласа пока не были признаны официально, русский дипломат Бехтеев был представлен Людовику как простой дворянин. Король спросил его, что нового у Елизаветы, но тотчас удалился, ответа не дожидаясь. Но царицына представителя это не обескуражило. Он приступил к принцу де Конти, но разочаровался быстро: принц мечтал заменить на польском троне Августа III, Россия его интересовала лишь в одном смысле — он хотел заручиться ее поддержкой в осуществлении своих планов. О каком-либо сближении или союзе он даже не заикнулся. Французские министры Бехтеева сторонились, все свое внимание они сосредоточили на австрийце Штаремберге, с которым обсуждали предстоящий оборонительный договор.

Однако Бехтеев, человек Воронцова, был полон решимости вытерпеть все унижения и обиды, но цели своей достигнуть. А потому непрестанно давал понять, что Россия охотно пожертвует английскими субсидиями, если это ускорит ход переговоров с Францией¹⁴. Он ничтоже сумняшеся отметил это и в беседе со Штарембергом, серым кардиналом Версаля. Оставаясь франкофилом наперекор холодному приему, который ему оказали в Париже, Бехтеев слал своему начальнику Бестужеву невинные отписки, а обстоятельные донесения направлял Воронцову. Последний же за спиной Бестужева с добавлениями и комментариями пересказывал их Елизавете. Русский посланец с удовлетворением (и не без преувеличений) сообщал, что при дворе появилось много его соотечественников, а русским дамам дано право присутствовать при утреннем туалете королевы. Сама мадам де Помпадур устроила в своем парижском доме празднество в честь славянских гостей!

В ожидании, когда можно будет приступить к дипломатическим переговорам, Бехтеев бродил по шикарным магазинам. Сказать по правде, его вынуждала к этому суровая необходимость: он должен был делать покупки для императрицы. Ленты, перчатки, румяна, помады, туалетная вода — ему приходилось интересоваться всем. Предметом серьезных обсуждений мог стать фасон чулок, не дающих ногам отекать, и наилучший способ их стирки. У рамочного мастера Жермена дипломат заказал зеркало высотой шесть футов, оно стоило, видимо, 3000 ливров, но в финале цена подскочила до 5000. Наконец, он приобрел так называемую нелюбезную тесную двухместную карету, назначение которой осталось неизвестным.

А Дуглас в Петербурге скоро осознал, что не выполнит возложенную на него миссию один: как он мог одновременно начинать деликатные переговоры, отстаивать интересы принца де Конти и анализировать жизнь страны, культура которой от него ускользала? Он попросил, чтобы ему дали в помощь секретаря, и настоял, чтобы эту должность доверили его знакомому молодому человеку, шевалье Шарлю д'Эону де Бомону, близкому к кругу принца. Он должен был вести тайную переписку и составить доклад о России. Вскоре вопрос о прибытии юного уроженца городка Тоннерра был решен. Готовясь к путешествию, он засел за книги об этой далекой стране, чтобы в достаточной мере оценить там ситуацию и получить возможность сообщать начальству «самые доподлинные впечатления». По всей видимости, он составил себе учебный план перед самым отъездом из Франции. Д'Эон хотел выучить язык, как это делали английские, а до них прусские дипломаты. По крайней мере его манера транскрибировать имена свидетельствует о некотором знакомстве с фонетикой русского языка. Прибыв на место в июне 1756 года, он пересмотрел свои прежние проекты: страна в действительности так отличалась от других, что, как он заметил, там «семь греческих мудрецов могли сойти за бе-

зумцев»¹⁵. В жизни русского двора наступил переходный период: Воронцов достиг политической зрелости и чувствовал себя готовым заступить на высший пост в государстве. Поддерживаемый Шуваловым, Трубецким и личным Елизаветинным секретарем Олсуфьевым, он жаждал получить голову Бестужева. И тут Франция стала его козырной картой.

КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ БЕСТУЖЕВА

В мае 1753 года Елизавета приняла решение переменить свою внешнеполитическую ориентацию; теперь главной мишенью ее враждебности стал Фридрих, чей образ жизни издавна был ей ненавистен. В 1751 году дипломатические отношения между их странами были разорваны. Пруссак оскорбил русскую царицу тем, что принял в Потсдаме крымского хана. Теперь все средства были пущены в ход, чтобы помешать этому монарху усилить свое влияние в Центральной Европе. Его владения надлежало ограничить теми пределами, в которых они находились до силезских войн¹⁶. Мария Терезия никогда не соглашалась примириться с утратой этих территорий. Она вместе со своим министром иностранных дел Венцелем фон Кауниц-Ритбергом замышляла перегруппировку европейских сил с целью дать отпор неумемному пруссаку. Англии, традиционной союзнице Гогенцоллернов и противнице Бурбонов, австрийская императрица не доверяла. Разве католическая Франция не окажется более надежной, если привлечь ее к борьбе с Фридрихом? Однако для этого было необходимо, чтобы Людовик прервал все сношения с Берлином и сблизился с Россией, которая благодаря своим громадным людским ресурсам была, по мнению Кауница, державой, более прочих способной обуздать Пруссию¹⁷.

Фридриха мало заботило, что начиная с 1746 года Мария Терезия и Елизавета стали ладить между собой: он считал, что эти «добрые женщины» в конце концов все равно

поссорятся. Он воображал, что может рассчитывать на Великобританию, которая благодаря секретарю своей миссии Вольфу контролировала финансы русской правящей верхушки и, не жалея звонкой монеты, подпитывала англофилов во главе с Бестужевым. А между тем зависть царицы к своей сопернице угасала: каждая определила свою роль на подмостках европейской истории и, стало быть, между ними наладился приемлемый *modus vivendi*. Елизавета знала, что красотой Мария Терезия с ней не сравнится. Наследница Габсбургов афишировала свои достоинства примерной матери семейства, неизменно сопровождаемой супругом и многочисленными потомками. Ее дочери предназначались в жены самым могущественным правителям Европы и должны были укрепить систему альянсов империи. Ее собственный брак с герцогом Лотарингским, который в 1745 году стал императором, в конечном счете придал ее власти неоспоримую легитимность. Елизавета получила свои титулы в наследство по завещанию матери, покойной императрицы Екатерины. Последняя из Романовых обыгрывала свое живописное одиночество; она сверкала над своим народом как звезда и не признавала иных ориентиров, кроме примера великого отца. Австриячка нашла беспроегрешный способ привлечь к себе симпатии Елизаветы: ее послы, сменявшие друг друга, фон Претлак, Ульфельд, Эстергази, были как на подбор красавцы, краснобаи и отличались, хотя с Шетарди не сравнить, умением вести роскошную жизнь — козырь важнейший, что упустил из виду Фридрих, уже пять лет не имевший в Петербурге своего представителя.

В начале Семилетней войны британцы еще казались в Петербурге всемогущей силой. Бестужев был инженером англо-русской конвенции о субсидиях, призванных обеспечить защиту Ганновера в случае нападения пруссаков. Елизавета предоставила ему действовать по своему усмотрению, но эти действия вселяли в нее недоверие.

Ссылаясь на боль в правой руке, она неделями оттягивала подписание договора. Ганноверское курфюршество не

казалось ей важным, она стремилась ограничить русское вмешательство в предполагаемые европейские конфликты только вторжением в Пруссию. Бестужев суетился, но тщетно. Он накопал пространный доклад от 30 января 1756 года, где поносил тех, кто противится договору с Великобританией: кто они, как не враги России, саботирующие ее истинные интересы? Государственный канцлер впал в чрезвычайно патетический тон, напоминал государыне о своей честности и послушании: пятнадцать долгих лет он верой и правдой служит ее прославленной особе! Англия всегда была оплотом его внешней политики, и сегодня согласие принять субсидии в обеспечение возможной, в случае вторжения, обороны Ганновера — лучший залог грядущих добрых отношений между двумя державами. Зная щепетильность, с какой дочь Петра относится к мысли, что может пролиться кровь ее подданных, он задумал обманный ход: дескать, о чем тревожиться, ведь всякий раз, когда Россия грозила военной интервенцией, Фридрих прекращал бряцать оружием и более не посягал на покой соседей. Договор с Англией усилит Россию и образумит Пруссию, которая, возможно, откажется от всяких агрессивных поползновений. Таким образом, британский альянс окажется наилучшим способом спасти множество жизней! Если же Елизавета не продолжит политику, которая оправдывает себя уже пятнадцать лет, европейские державы перестанут бояться ее великой страны. И наконец, разве не подобает государыне, как достойной дочери, хранить неукоснительное уважение к системе, созданной ее отцом, величайшим монархом всех времен¹⁸?

Но тут Бестужев совершил большую ошибку: он посоветовал царице создать чрезвычайную комиссию для осуществления общего руководства военными мерами, которые надлежит принимать против Фридриха. Начальник главного штаба, доказывал он, никогда не сможет выработать приемлемую стратегию, получая указания со всех сторон — от военной коллегии, адмиралтейства, от коллегии иностранных

дел, от Сената и императрицы. Да сверх того, не каждая из этих инстанций обязательно знает, какие решения приняли остальные. Если послушать канцлера, их слишком много, этих инстанций-посредников, а чтобы здраво решать, надобно сосредоточить всю информацию в едином центре. Таким образом он надеялся забрать в свои руки всю власть над дипломатическим корпусом и отстранить своих противников от государственных дел. Его заклятые враги вроде Воронцова и Трубецкого, не говоря о его родном брате Михаиле, несомненно, войдут в эту новую комиссию, но Бестужев рассчитывал, что, при своих ораторских талантах и опыте, сможет их победить или по крайней мере заткнуть им рты. Императрица, по своему обыкновению, тянула время, но обещала обдумать его предложение¹⁹.

Наконец 12 февраля 1756 года Елизавета согласилась подписать договор с Георгом II, сопроводив это торжественным заявлением: Россия вмешается в войну только против Пруссии и исключительно при условии, если последняя нападет на Великобританию (абсолютно неправдоподобное допущение) или на кого-либо из союзников Георга II. Но к примеру, никоим образом нельзя принуждать русские войска выступить против Франции или Австрии. Подобная декларация делала недостижимой главную цель британцев: развернуть силы могущественного союзника против Людовика. Английский представитель был вынужден отказаться от такого предложения²⁰. Бестужева ошарашил этот поворот событий, но впереди его ждал еще более сокрушительный удар. Фридрих не остался пассивным, он столкнулся с английским королем, своим дядей, и обещал ему поддержку на случай войны в Европе.

Вестминстерский договор о союзе между Лондоном и Берлином был подписан 16 января 1756 года с целью сохранить всеобщий мир, но особенно ради умиротворения в той беспокойной зоне, которую являла собой Германия. Чтобы избежать неприятных инцидентов, британский посол Виль-

ямс в высшей степени официально заявил Бестужеву, что этот договор метит в Людовика, до сей поры — весьма ненадежного союзника Фридриха. Если когда-либо война в Америке перекинется в Старый Свет, Пруссия берется защитить Ганновер от возможной французской агрессии. Англия зато должна будет помешать России напасть на Фридриха II²¹. Тот, перепуганный, уже представлял, как 100 000 австрийцев нападают на него со стороны Силезии и Саксонии, а 60 000 славянских «варваров» вторгаются в Восточную Пруссию²². Подписание договора с Великобританией становилось вопросом выживания: только англичане могли остановить Россию, осыпав субсидиями и взятками высших сановников режима. Вестминстерский договор не был залогом ни наступательного, ни оборонительного союза, и он не был отчетливо направлен против Франции или России, но обе эти страны восприняли его как предательство. Гогенцоллерн не предупредил о нем Версаль, и французы истолковали это как злонамеренное нарушение обязательств. Ниверне, посол Франции в Берлине, был тотчас отозван. Людовик никогда еще не оказывался в такой изоляции. Елизавета уж и не знала, как обуздать свой гнев: Россией осмелились распорядиться, не заручившись согласием ее министров! Что до Марии Терезии, она приказала вызвать посла Великобритании: Вена ни в коем случае не станет инициатором распада альянсов, заявила она, но Георг II, подписав в Вестминстере договор с Пруссией, рискует нарушить равновесие сил в Европе. Коль скоро прежние соглашения устарели, она считает себя вправе начать переговоры с Францией. Раз англичане предали ее ради Фридриха²³, австрийская императрица решительно повернулась лицом к Версалю.

Представитель Великобритании в Петербурге метался, пытаясь выпутаться из этой неразберихи: Георг II не мог позволить себе спровоцировать напряженность, а то и прямой конфликт в отношениях с Россией. Вильямс старался убедить окружение Елизаветы в «невиновности, полезности и

необходимости этой меры» и добиться, чтобы никто не истолковывал перемену международной ситуации в дурном смысле. Бестужев, который все еще цеплялся за свой бюджет, старался упростить проблему: коль скоро в тексте договора не указано, с кем именно договаривающиеся стороны намерены бороться, можно бы, несмотря на такой поворот, все же принять обещанные субсидии²⁴. Но чем упорнее министр настаивал на этом, тем больше раздражалась императрица, она даже изорвала русский перевод договора. Коллегия иностранных дел объявила, что англо-русская конвенция утратила силу вследствие союза англичан с Пруссией. Государственный канцлер окончательно утратил контроль над английским направлением политики, а соответственно и над интригами русского двора. Сановники вроде Воронцова и Шувалова торопили франко-русское сближение с явного одобрения Елизаветы и действовали без ведома коллегии иностранных дел. Они, несомненно, внесли свою лепту в сочинение декларации, врученной Вильямсу, где было заявлено, что англо-пруссский договор несовместим с отношениями, что ранее завязались между Лондоном и Петербургом²⁵.

Против всех ожиданий переговоры между Берни и австрийцем Штарембергом привели к заключению Версальского договора от 1 мая 1756 года. Новое соглашение включало пункт о взаимном нейтралитете. Мария Терезия обещала не вмешиваться в американские дела. Наконец, императрица и король брали на себя обязательство пустить в ход военную силу, если какое-либо из их владений подвергнется агрессии. Секретные пункты обязывали их вмешаться, если Англия или кто-то из ее приспешников нападет на одного из них²⁶. Воинственные намерения прусского монарха там трактовались как *casus foederis*, то есть достаточный повод, чтобы на суше и на море применить силу для защиты дружественных владений²⁷. Оставалось столкнуться с Елизаветой, но это являлось трудной проблемой, ведь в случае ин-

тервенции русских войск на континенте первой жертвой могла оказаться Польша, старинная протекже Франции: они же неминуемо пройдут по польской земле. Другим важным поводом для раздоров была оттоманская Порта — Габсбурги рассчитывали на Россию, чтобы разделаться с этим своим вековечным врагом, но Людовик оставался тверд в одном: никто не должен беспокоить его восточного союзника.

После подписания Вестминстерского договора Версаль проявил решительную готовность к сближению с Россией. Заключенный союз обезоруживал Фридриха в случае войны Франции с Великобританией: отныне для него было немыслимо прийти на помощь Людовику XV. Тайная дипломатия не дремала, за спиной официальных представителей велась оживленная переписка между Воронцовым и принцем де Конти, благо последнего по-прежнему прельщали Курляндия и командование русской армией²⁸. В Петербурге Эстергази, посол Марии Терезии, терпеливо сколачивал тройственный союз и добивался вступления России в войну против Фридриха II, пренебрегая интересами Польши и Турции. Дуглас, в ожидании прибытия своего посла занятый его делами, не имел достаточного политического опыта, чтобы расстроить замыслы блистательного австрийского хитреца. Двойная политика Людовика не облегчала его задачи. Большие расстояния и медлительность почты довершили остальное. Он получил от своего двора официальный приказ проявлять деликатность в отношении обеих этих стран и разработать документ, уточняющий, что Франция никогда не станет воевать с Портой. Но это противоречило замыслам Эстергази.

Он же с присущим ему умом, составляя текст договора, принял в расчет требования Версаля, но добавил туда сверхсекретное условие: оговорка в пользу султана будет аннулирована в случае войны Турции с Россией или Австрией. Елизавета, разрываясь между государственными интересами, побуждающими обходиться с Турцией деликатно, и ре-

лигиозными соображениями, в свете которых неверный заслуживает кнута, приняла свои предосторожности. Она соглашения не подписала. Сведенный к «клочку белой бумаги», он давал ее империи время обеспечить себе определяющую роль в дипломатических играх.

Елизавета, наверняка побуждаемая к тому Воронцовым и Петром Шуваловым, 25 марта 1756 года основала Конференцию при Высочайшем дворе²⁹; благодаря активному участию в ее деятельности самой государыни это учреждение стало первой в стране инстанцией, ведающей внешними сношениями. Заседания проходили дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, а в кризисные периоды собирались по мере необходимости. Секретарь Дмитрий Волков корпел над огромными грудями бумаг, которые рассылались в Сенат и коллегии. Члены Конференции принимали всевозможные решения, будь то касательно международных союзов или жалованья дипломатов, определяемого в зависимости от важности занимаемых ими мест. Они также контролировали ведение некоторых дел в военной области — оклады высших чинов, их служебное продвижение, набор в иррегулярные войска новобранцев из числа некоренного населения.

Бестужев сам волей-неволей содействовал созданию этой верховной инстанции, когда предложил основать чрезвычайную комиссию. Вестминстерский договор укрепил императрицу в таком намерении: ей такой орган был нужен, так как давал возможность принимать быстрые решения наперекор первому министру. Таким образом она ограничивала доселе безбрежную власть своего канцлера по крайней мере в сфере иностранных дел, коммерции и финансов. Первое место в Конференции занял, причем вполне официально, Воронцов, так как именно его Елизавета просила подготовить доклад о международном положении. Туда же входили Степан Апраксин, Михаил Бестужев, Михаил Голицын, Александр и Петр Шуваловы, Никита Трубецкой, а сверх того государственный канцлер Бестужев и великий князь.

Этот последний в совещаниях, видимо, участвовал редко: его подпись на протоколах появляется всего дважды³⁰.

На первом заседании совета императрица присутствовала в день годовщины коронации. Собравшиеся получили приказ разработать план мер, способных ограничить военную и политическую мощь Гогенцоллерна. Задача не терпела отлагательств, поскольку Берлин распускал слухи, что Фридрих готовится взять на себя посредничество в переговорах Франции и Великобритании. Коль скоро Пруссия числилась союзником обеих этих держав, исключать подобный дипломатический демарш не следовало. Тут Елизавета проявила непреклонность: требовалось любой ценой не позволить пруссаку выступить в роли арбитра, ведь это повредило бы ее планам изничтожения Фридриха и самого решительного вмешательства в германские дела. Совершенно очевидным становилось одно: в подобной ситуации Россия уже не сможет принимать субсидии от Лондона. А значит, ей понадобятся иные источники средств и новые двусторонние контракты³¹.

Воронцов всецело разделял позицию государыни. Бестужев пытался возразить хотя бы для видимости. Он высказался в том смысле, что Вестминстерский договор России не враждебен. Если примириться с ним, это даст возможность надежнее скрыть свои приготовления к войне с Пруссией: Фридрих будет воображать, что Георг II контролирует его «сестру» Елизавету и, следовательно, раздор со славянским соседом его стране не грозит. Петербург сможет использовать эту отсрочку, чтобы рассорить пруссаков и англичан, а затем медленно, без спешки пойти на сближение с Австрией. И наконец, он убеждал, что выпрашивать эти субсидии не надо, но следует принять их «равнодушно», если Англия сама захочет раскошелиться³².

Мнения членов Конференции разделились, и царица отложила заседание, не преминув обязать всех как можно скорее принять необходимые решения и выработать програм-

му новой политической ориентации. После пятнадцатидневных бурных дебатов сановники в конечном счете пришли к решению, которое 10 апреля 1756 года было одобрено государыней. Фридрих оставался для русских главной мишенью, но всю ответственность за развязывание войны Петербург взваливать на себя не желал. Императрица рассчитывала на равных разделить ее с Веной. К тому же следовало достигнуть компромисса с Францией, чтобы помешать ей броситься на помощь Фридриху.

Царица решила напасть на Гогенцоллерна в текущем году, даже если Людовик этому воспротивится. Во время того же заседания 10 апреля Бестужев, в глубине души крайне уязвленный, объявил австрийскому представителю Эстергази, что Россия не только вторгнется в Восточную Пруссию, чтобы стереть ее в порошок, но и двинет значительные силы на другой берег Одера и атакует Бранденбург. Такой внезапный поворот на сто восемьдесят градусов выглядел подозрительно, и Вена проявила сдержанность: дескать, не хотелось бы, чтобы Россия, союзница Австрии, оказалась в положении агрессора. Желательно спровоцировать Фридриха на перевооружение своей армии и, ссылаясь на это, начать военные действия якобы в ответ на угрозу. Тогда Франция, а затем и Россия будут обязаны выступить против него. Возник и вопрос о субсидиях, ибо Мария Терезия хотела устроить так, чтобы платил Версаль. Торопливость русских могла все испортить³³. Памятуя неудачный опыт с Экс-ла-Шапель, Елизавета от денег отказалась: боялась, что ее страна снова будет выглядеть державой наемников. Она видела лишь один выход: потребовать от своих союзников иного рода компенсации за жертвы, которые Россия готовилась принести ради их интересов. Ей нужно было признание равенства ее страны с прочими воюющими державами, она хотела получить место за столом мирных переговоров.

Было необходимо известить Польшу о доблестных планах русской государыни, ведь эта страна придерживалась

нейтралитета, а именно по ее земле собирались пройти войска России. Петербург мог рассчитывать на поддержку семейства Чарторыйских, члены которого занимали в аристократической республике ключевые посты. К тому же близились выборы в сейм, и Россия надеялась, пользуясь дразгами больших панов, укрепить свое влияние на внутренние дела Польши. Саксонский курфюрст Фридрих Август II, он же польский король, столкнулся с трудной дилеммой. С одной стороны, только Россия в силах помешать пруссакам захватить его германские территории. С другой — нет ли риска, что она повредит Польше, будет вмешиваться в ее внутренние дела, попытается ограничить польские свободы?

Дипломатический представитель Франции в Варшаве Дюран д'Обиньи, настроенный весьма русофобски, нашел выход: пусть Петербург попросит у польского правительства разрешения для своих войск пересечь территорию страны, но гарантирует соблюдение ими строжайшей дисциплины и выплаты из интендантской службы на время этого перехода³⁴. Елизавета была предусмотрительна, она именно с такими предложениями обратилась к Августу III, дав гарантии уважения законов и свобод его подданных и присовокупив 100 000 рублей компенсации за помощь. Послу России Гроссу были выделены дополнительно 10 000 рублей на расходы, сопряженные с привлечением сторонников. Одновременно было отправлено личное послание во Францию с предложением тех же гарантий — при условии, что представитель этой страны проявит готовность к сотрудничеству³⁵. Россия не злоупотребит гостеприимством поляков, а уполномоченный по делам Франции со своей стороны постарается способствовать тому, чтобы переход войск обошелся без осложнений, убедив представителей шляхты в его необходимости.

Перед расходами Елизавета не останавливалась. Чрезвычайным эмиссарам было поручено не скупиться на взятки. Гросс, русский посол в Варшаве, человек неприятный и

близкий к государственному канцлеру, вскорости был смещен с поста и заменен Петром Чернышевым, преданным сторонником Воронцова. Шведам и туркам в конечном счете не оставалось ничего другого, как сохранять спокойствие и не вмешиваться. Как только будет подписан вразумительный договор с Марией Терезией, русские войска должны быть готовы в любой момент ринуться на Фридриха; 80 000 русских помогут королеве-императрице забрать обратно Силезию и графство Глац.

Но оставался еще Людовик: как убедить его держаться в стороне от конфликта на востоке? Согласится ли он с условиями, навязанными Польше в связи с перемещениями русских войск? Чтобы выиграть время, Елизавета предложила новую, ложную уступку: дескать, если она завоюет Восточную Пруссию, она ее отдаст Польше в обмен на территории, граничащие с Курляндией³⁶. Эта затея озадачила Версаль: допустим, русская царица хочет расправиться с королем Пруссии, но с какой стати ей вздумалось нарушать стабильность границ в Центральной и Восточной Европе? Мария Терезия стремится получить обратно территории, потерянные в результате войны в Силезии, но не собирается ли она еще и прибалтийские земли переделит по-новому? В Вене, в Париже, да и в самом Петербурге внезапно возникли подозрительные настроения: многих стала смущать перспектива перехода русских через польские земли.

Встречи между Эстергази, Воронцовым и Елизаветой участились. Австрийский посол уведомил своих собеседников о переговорах между Веной и Версалем. Оборонительный договор, к которому склонялась Елизавета, отныне становился близкой реальностью. Для императрицы здесь речь не шла о радикальном пересмотре прежних альянсов, но лишь о логическом продолжении франкофильской политики, начало которой было положено еще в 1741 году, тогда все кончилось неудачей, возможно, из-за козней Фридриха. Теперь же Елизавета нашла, что положение изменилось:

Великобритания потеряла свою ведущую роль. Итак, российская повелительница ныне не заставит себя упрашивать, однако должна напомнить, что есть несколько проблем, которые надобно уладить прежде, чем договор будет подписан. Обе императрицы двинут в бой регулярные войска, всего 80 000 солдат, дабы одновременно атаковать Фридриха. Чтобы действовать согласованно, нужно наладить постоянную связь между четырьмя австрийскими и русскими генералами, поочередно исполняющими высшие командные функции. Окончание военных действий предполагается тогда, когда Мария Терезия снова вступит во владение графством Глац и Силезией, а Елизавета захватит Восточную Пруссию. Ни одна из договаривающихся сторон не примет решения прекратить военные действия или начать мирные переговоры, не поставив в известность другую. Как только война будет развязана, Швеция и Саксония войдут в коалицию и поддержат австрийцев в Центральной Европе и на севере. В награду первой достанется Померания, вторая получит Магдебург³⁷. Надобно уделить внимание и Порте. Пруссия завоевала в Константинополе немалое влияние, она может подбить султана напасть на своего славянского соседа. Создание Новой Сербии, строительство фортов и военное присутствие русских на границе с Турцией всегда может послужить отличным поводом для объявления войны. Но вскоре Обрезков, русский посол, аккредитованный при турецком дворе, сообщил хорошую новость: диван весьма разочарован Вестминстерским договором, в конечном счете направленным против Франции, старинной союзницы Порты. Они находят, что Фридриху нельзя доверять. Следовательно, оттоманское нападение представлялось маловероятным. Чтобы продемонстрировать добрую волю, императрица велела приостановить строительство Елизаветграда — жест, никаких последствий не имевший, но успокоительный.

Тайные переговоры между Парижем и Петербургом ускользнули от бдительного внимания Бестужева. В июле 1756

года Елизавета решила известить его об изменениях в своей политике. Воронцов не без коварного удовольствия объяснил ему, что Франция и Россия встали на путь возобновления дипломатических отношений и собираются обмениваться послами. Маркиз де Лопиталь, назначенный послом, был уже в пути; 400 000 ливров вложены в экипировку, транспортные расходы поглотили 130 000 ливров. Его свита состояла из восьмидесяти персон. Русский двор слыл одним из самых блестящих в Европе, и сделавший хорошую военную карьеру маркиз, к тому же опытный дипломат и красноречивый говорун, казалось, был создан для того, чтобы представлять здесь Людовика. Но утверждать это значило бы забыть, что за личность являла собой императрица. Лопиталь, мужчина уже не первой молодости, страдал частыми приступами подагры. Елизавета старела тяжело, она запиралась в покоях с самыми приближенными и отказывалась видеться с иностранцами вне приемов, оговоренных протоколом. Послу было трудно, почти невозможно потолковать с ней в обход Бестужева. Лопиталь получил от своего кабинета приказ стакнуться с Эстергази и общими усилиями свалить государственного канцлера.

Это ставило перед ними вечную финансовую проблему. Лопиталь, подобно своему предшественнику Шетарди, был вынужден вести в Петербурге роскошную жизнь, но он опасался слишком разжечь аппетиты русских министров.

Императрица отказалась от английских субсидий — трудная жертва. Чтобы привлечь ее к коалиции, французам и австрийцам приходилось платить весьма щедро, рискуя выйти за пределы возможностей своих посольств. Эстергази утверждал, что его бюджет ограничен. Прибытие француза позволило ему переориентировать своих русских партнеров на казну Людовика. Русские добивались ссуды — болтали, что 25 миллионов ливров. В Версале были хорошо информированы о финансовом положении императорского двора, и посол получил приказ уклоняться от столь деликатного предмета: «москвитам» как должникам не доверяли, бо-

ялись, что этих денег назад уже никогда не получить, но еще больше опасались обидчивости Елизаветы. Подозрительность царица в этих отношениях с обеих сторон. Однако государственный канцлер покорился неизбежности и принял верительные грамоты от нового посланца Версаля, наделенного всеми официальными полномочиями³⁸. «Тайный уговор венценосцев» мгновенно одержал верх над министром-франкофобом. В ожидании прибытия посла ведение переговоров с Эстергази о привлечении России к Версальскому договору было поручено Дугласу³⁹.

За несколько дней до нападения на Саксонию Фридрих в последний раз попытался пригрозить Франции, выдвинув ультиматум: если она вступит в войну на стороне Австрии, ей придется числить его в стане своих врагов⁴⁰. Когда же Людовик ответил на это молчанием, Фридрих решил продемонстрировать силу: в конце августа 1756 года он вторгся на сопредельную территорию. Два дня спустя, еще не ведая об этом событии, Елизавета заявила, что если кто-либо из ее союзников подвергнется прусской агрессии, она придет на помощь немедленно. А коль скоро Вена тотчас отправила послание в Санкт-Петербург, Эстергази получил все права просить о вмешательстве русской армии. Сумма субсидий, установленная предварительно, равнялась 2 миллионам флоринов. Бестужев, припертый к стенке, поневоле обещал «накрутить хвоста» королю Пруссии.

Так или иначе, падение канцлера приближалось. А он еще наивно попросил у Австрии 12 000 дукатов за свои услуги... Он попал в ловушку, расставленную Кауницем: Франция и Россия были обязаны вслед за союзной Австрией ввязаться в конфликт. Английские денежки были окончательно потеряны. Фридрих сделал последнюю попытку удержать Россию от вмешательства в военные действия: он дал Елизавете понять (снова окольным путем, через посредство английских представителей Митчелла и Вильямса), что хотел бы снова наладить отношения с Петербургом; ни в коем случае, уверял он, его войска не выступят против нее. А еще

король предлагал «царице» стать посредницей между ним и Марией Терезией⁴¹!

Елизавета, крайне оскорбленная подобным предложением, резко ответила, что-де ее великодушие и чувство справедливости не позволяют ей взять на себя подобное посредничество ввиду того, что она в союзе с Австрией. Два двора, о коих идет речь, должны сами уладить свои разногласия, возникшие исключительно по вине Берлина. Она же, императрица Всероссийская, будет довольствоваться самым скрупулезным выполнением своих обязательств, уже давно данных Марии Терезии⁴². Тем не менее, несмотря на военную агрессию Фридриха в Саксонии, вмешательство, обещанное австрийцами, запаздывало. По чьей вине?

Императрица Мария Терезия 19 октября 1756 года послала Эстергази пространное сообщение, содержание коего он должен был огласить на совете. Она рассыпалась в извинениях, что не приступает к военным приготовлениям: может ли она одновременно обсуждать с Россией договор о наступательном союзе и организовывать вооруженную атаку на Фридриха? Она заверяла Елизавету в признательности французского и австрийского дворов. Дескать, отказавшись от субсидий Англии, дочь Петра Великого явила миру пример самоотречения.

Этот подвиг заслуживал воздаяния. А казна России весьма в нем нуждалась. Правительство располагало доходом в 11,6 миллиона рублей; согласно расчетам, следовало ожидать, что военные расходы составят 6 683 960 рублей. Таким образом, бюджет правительства сократится до 5 миллионов рублей⁴³. Было необходимо пересмотреть сумму компенсации, призванной уравновесить недостаток средств России, как только ее соглашение с Австрией и Францией вступит в силу. Россия должна была открыть второй фронт, чтобы на зимние месяцы оттянуть силы Фридриха на восток. Мария Терезия напоминала «своей сестре» обязательства, оговоренные еще в трактате 1746 года, а чтобы действовать более согласованно, королева-императрица сверх того прислала ей планы будущей кампании.

Австрийцы разочаровали русскую императрицу. Найдя, что они слишком скупы, она предпочла разыграть французскую карту в расчете, что у Франции больше ликвидных средств. Чтобы вконец очаровать Людовика XV, царица решила раз и навсегда прояснить польскую проблему. Петр Чернышев, русский посол в Варшаве, получил распоряжение вручить 100 000 рублей королю и 20 000 — его супруге. 25 ноября 1756 года императрица Всероссийская послала польской шляхте циркулярное письмо, где торжественно возвещала о своей решимости исправить ущерб, нанесенный Гогенцоллерном Фридриху Августу II и Марии Терезии, а стало быть, ее войскам придется пересечь польскую территорию. И сейм уступил. В конце года молодой Станислав Понятовский отправился в Петербург с разрешением от имени Речи Посполитой, сопровождаемым тремя условиями, соблюдение которых должно обеспечить благополучное осуществление плана: русские войска должны соблюдать строжайшую дисциплину, заплатить за использование ресурсов местной инфраструктуры и гарантировать компенсацию в случае возможного ущерба. Елизавета согласилась.

Теперь для заключения тройственного Версальского альянса оставалось последнее препятствие: Порты. Елизавета настаивала, чтобы Франция пришла ей на помощь в случае агрессии с турецкой стороны. Ее цель, разумеется, состояла в том, чтобы нарушить извечное согласие между Парижем и Константинополем. Загнанный в угол Бестужевым, который разыгрывал ныне свою последнюю карту, Дуглас, чья дипломатическая неопытность в этом случае выплыла наружу, подписал секретный пункт договора в отсутствие Лопиталья: в случае нападения оттоманской Порты на Россию Людовик XV предоставит ей субсидию, эквивалентную войску в 24 000 человек. Зато если на Францию нападут британцы, Елизавета обещает ей помощь в виде подобной же суммы или вышлет соответствующее число солдат. Тем не менее в вооруженные столкновения, связанные с конфликтами, происходящими за морем или в колониях, Россия вме-

шиваться не станет. Однако за исключением этих двух особо оговоренных случаев возможность, что Георг посягнет на своих галльских соседей, в то время была крайне мала, следовательно, этот пункт договора был лишен смысла.

На исходе 1756 года Дуглас привез в Версаль предварительное соглашение о союзе России и Франции, тотчас вызвавшее бурю негодования. Шотландец не посчитался с приказами Руйе и скомпрометировал «тайный уговор венценосцев». Как мог Людовик поддержать Россию против Турции? Кабинет министров без труда определил, что тут не обошлось без козней Эстергази, жаждущего раздавить султана. В ярости Людовик разорвал документ, выбранил Дугласа, отстранил его от дел и волей-неволей взялся лично написать Елизавете, чтобы разъяснить недоразумение. Дескать, маркиз де Лопиталь еще не приступил к своим обязанностям, трактат был подписан неопытным человеком, не привыкшим ратифицировать официальные документы⁴⁴. Чтобы не потерять лицо, король, наконец, затеял со «своей сестрой» двойную переписку — одна велась публично, другая была строго засекречена. Елизавета с пониманием отнеслась к позиции Франции. По зрелом размышлении императрица ответила «своему брату», что согласится подписать Версальский договор без дальнейших комментариев. При этом она не сочла нужным просить совета у государственного канцлера. Секретный параграф предали забвению. Да и, кроме всего прочего, было очень маловероятно, что Осман III вздумает напасть на Россию: турецкие военные силы к тому времени уже основательно уменьшились.

Цели у Версаля и Петербурга были диаметрально противоположные, с той и другой стороны не обошлось без коварства. Людовика интересовала прежде всего Польша, он старался обеспечить шляхетской республике независимость⁴⁵. Его второй заботой было уберечь Порту. Елизавета же стремилась выиграть время, чтобы урегулировать проблемы на турецкой границе, а единственной целью союза с Францией была расправа над Фридрихом, которого она ненавидела всем

сердцем. Зато царица совершенно не собиралась портить свои хорошие отношения с Англией. Во все продолжение конфликта дочь Петра затягивала ответ на все задаваемые ей вопросы, а когда Людовик слишком настойчиво ее торопил, ссылалась то на «воспаление глаз», то на боль в руке¹⁶.

Версальский договор Елизавета подписала 22 января 1757 года. Около 80 000 русских и столько же австрийцев выступят против Фридриха; 5000 французов примут участие в военных действиях в Центральной Европе. Двадцать линейных кораблей и сорок русских галер готовятся атаковать на севере. Австрия обязуется выплачивать миллион рублей ежегодно вплоть до окончания войны — истинная находка для казны русской державы. 21 марта к альянсу присоединилась Швеция. Вступление России в этот франко-австрийский союз означало конец правления Бестужева, более пятнадцати лет хранившего верность Англии. Тем не менее связь между Лондоном и Петербургом не прервалась: Георг II сохранил свои торговые привилегии на востоке, но потерял потенциального союзника в своей расправе с Францией.

Создание Конференции при Высочайшем дворе (или просто Конференции) — военного совета при императрице, этой коллективной инстанции под непосредственным монаршим главенством, лишило государственного канцлера былых полномочий; совет осуществлял теперь верховное руководство, координировал отношения между коллегиями и Сенатом, представлял вторую власть страны. Первой задачей Конференции стало упразднение финансовой зависимости от Англии и возобновление с Францией многообещающих культурных, торговых и дипломатических контактов. Сближение с Версалем предвещало глубокую переориентацию русской политики на севере. Ожидался передел территорий в ущерб Пруссии, в конечном счете — первый шаг к ее возвращению в прежние границы на востоке. Карту Европы вычерчивали заново: Мария Терезия забирала обратно Глац и Силезию, Елизавета в угоду Польше меняла Курляндию и Семигалию на Восточную Пруссию. По край-

ней мере таковы были намерения, хотя позже, в победной эйфории, их так и не осуществили.

Однако же австро-русская интервенция запаздывала. Вена располагала не более чем 67 000 человек и была не в состоянии напасть на Фридриха. Для Марии Терезии было немыслимо начать войну прежде, чем в дело вступит Франция. Неприятель вторгнется на территорию Пруссии не раньше весны 1757 года. Елизавету эти проволочки раздражали, но она уступала доводам Вены; ее войска, сосредоточившись на западной границе империи, ждали удобного момента, чтобы открыть против Фридриха второй фронт. Когда же наконец Австрия приступила к мобилизации своих войск, Россия, в свою очередь, впала в ступор. Начиная с осени 1756 года здоровье Елизаветы несколько раз угрожающе пошатнулось. В церквах молились за нее, злые языки шептали, что императрицу покушались отравить и в этом заговоре замешаны самые уважаемые персоны⁴⁷. Пора было всерьез подумать о преемнике. Коль скоро Петр оставался непреклонным сторонником Пруссии, его восхождение на престол грозило разрушить все прежние альянсы. Поддавшись влиянию Бестужева, который с недавних пор стал ему беззаветно предан, молодой человек яростно противился заключению договора с Францией⁴⁸.

Апраксин, которому было поручено верховное командование армейскими операциями, из осторожности предпочел замереть и выждать — задержался в Петербурге. Отправиться на войну с Фридрихом II сейчас, когда императрица может умереть с минуты на минуту, — это бы смахивало на политическое самоубийство. Старый фельдмаршал, решаясь на немалый риск, отложил свой отъезд в Ригу, где ему полагалось принять обязанности главнокомандующего⁴⁹.

Эстергази, не скрывая гнева, горько сетовал на медлительность русских. Ведь австрийцы никак не могли без поддержки союзников выступить против Фридриха в Саксонии и Богемии. Вена и Петербург взаимно обвиняли друг друга в том, что вовремя не перевооружились. Курфюрст Саксо-

нии Фридрих Август в свой черед взывал к России о помощи, поскольку молодцы прусского короля на его глазах опустошали страну. Казалось, присоединение России к Версальскому договору не состоится из-за «истерических припадков» Елизаветы⁵⁰. Бестужев удовлетворенно потирал руки: он еще надеялся избежать войны.

Но Елизавета каким-то чудом быстро оправилась после апоплексического удара. Апраксин, явно не без влияния великой княгини Екатерины, с которой был связан самыми доверительными отношениями, попытался убедить выздоравливающую отсрочить военный поход⁵¹: дескать, зима на носу, войску на марше придется туго, солдаты не понимают целей этой войны, им не хватает боевого духа... Раздраженная, но и озадаченная, Елизавета велела ему заниматься своим делом — подготовкой выступления против Фридриха. Казалось, Россия наконец готова вступить в эту войну, которой предстоит продлиться семь лет. Но Апраксин, наперекор настояниям императрицы, потратил еще полгода на подготовку армии: рекрутский набор был не закончен, много оставалось недоукомплектованных полков. При поддержке австрийских советников он учредил военный совет для управления величайшей армией Европы. И все же русские войска тронутся с места не раньше лета 1757 года.

РУССКАЯ АРМИЯ ТОГО ВРЕМЕНИ: ЛАБИРИНТЫ И ТУПИКИ

Фридриха всегда пугала возможность войны с Россией. И вот летом 1757 года 72 000 солдат стали лагерем между Ригой, Митавой и Либавой, готовые к стремительному броску на запад. Казачьи, татарские, калмыкские и башкирские конные сотни вперемешку с регулярными полками, в общей сложности 19 966 человек, расположились между Черниговым и Смоленском. Императорский флот у Кронштадта и Ревеля тоже приготовился к наступлению: двадцать линей-

ных судов, снабженных пушками (от 50 до 90 стволов), шесть военных фрегатов (по 32 пушки на каждом) ждали команды поднять якоря. Соглядатаи бродили в окрестностях Данцига, наблюдая за передвижениями прусских войск. Были вычерчены подробнейшие карты и планы, где намечены даже самые незначительные дороги, ведущие на запад.

Прусский король утешался мыслью, что русские — жалкие вояки, без настоящего опыта ведения боя, не способные противостоять самой обученной и тренированной армии Европы⁵². Да и методы рекрутского набора, частые случаи дезертирства и заболеваний дела не улучшали. Многие иностранные генералы, честно послужив Романовым, возвращались на родину: Манштейн, а позже Кейт, вернувшись в ряды прусской армии, тщетно пытались убедить Фридриха в храбрости русских солдат и офицеров⁵³.

Вне всякого сомнения, Берлин оплачивал информаторов с целью разведать, каково состояние русских войск, и добыть сведения о стратегии и тактике неприятеля. Секретарь военного совета Волков, по всей видимости, передавал врагам военные секреты⁵⁴. Его суждения укрепляли Фридриха в его оптимизме. Мол, русская армия стремится не сражаться, а вышагивать на парадах, у ее офицеров много плюмажей, лент, галунов, роскошных карет, а добрых сапог нет. У фельдмаршала Апраксина, по сообщению безымянного агента, не было ни стратегического чутья, ни опыта. Генерал Румянцев выглядел довольно способным, но по молодости лет был склонен к действиям слишком торопливым и неуклюжим. Лопухину только и надо было, что хорошо питаться вместе со своими офицерами. Панин умел разве что руководить упражнениями на маневрах. Наконец, Толстой ни аза не смыслил в военной науке. Одни лишь гренадеры выглядели хоть сколько-нибудь подготовленными для боя. Артиллерия располагала двумя сотнями орудий, но они были в плохом состоянии. Три кирасирских полка из шести были лишены самого необходимого, боевое снаряжение не доста-

вили. Лошади кажутся слабыми, недокормленными. Людям не хватало тренировки. Русская разведка и патрульные службы не понимали тонкостей своего дела. Казаки и калмыки использовали свои традиционные виды оружия и отказывались сражаться в ночное время. И сверх того передвижение войск было затруднено невероятным количеством багажа⁵⁵.

Все так, но Петр Шувалов с начала 1750-х годов произвел ряд реформ, которые продолжались и во время войны. Для высших военных училищ набирались самые лучшие наставники, даром что число учащихся (сплошь родовитых, для кого служба строго обязательна) было по-прежнему ограничено. Работа кадетского корпуса начала приносить свои плоды: в русской армии появилось много молодых талантливых офицеров, в том числе некто Александр Суворов, будущий победитель французов во время наполеоновских войн. Зато флот пребывал в жалком состоянии. Суда и галеры были либо слишком стары, либо пострадали от контакта с пресной водой. В мае 1750 года Сенат приказал довести число галер до ста тридцати на случай войны со Швецией. Узники, осужденные за уголовные преступления, служили рабочей силой на строительных верфях Рогервика и Архангельска. Первостепенную важность все еще имело участие британских специалистов: кораблестроители Джеймс и Сазерленд вели наблюдение за работами на площадках, где строились тридцать два линейных корабля и двадцать восемь фрегатов. А при всем том в стране не хватало матросов, да и хороший морской офицер был редкостью — согласно устоявшемуся представлению, русские боялись воды. Шувалов попытался организовать морскую школу наподобие кадетского корпуса. Для этого требовалось некоторое число стоящих адмиралов, способных и учить, и в случае надобности воевать. Он намучился вдоволь, подыскивая, кого бы определить на эти места.

При всем том Шувалов и сам не сидел без дела. Во время Семилетней войны он изобрел артиллерийское орудие,

так называемую гаубицу Шувалова. Ее особенность состояла в том, что благодаря своей конической форме она могла стрелять снарядами различных размеров и имела дальность стрельбы, превосходящую обычное расстояние до первых вражеских рядов⁵⁹. Если верить Болотову, эти снаряды производили большие опустошения в прусских рядах. По настоянию того же министра была увеличена дальность огнестрельного оружия, которое при этом стали делать более легким, чтобы удобнее было им пользоваться.

Одновременная мобилизация австрийцев и русских была осуществлена летом 1757 года. Вскоре к коалиции примкнули Саксония и Швеция. Атака уже казалась близкой и неотвратимой: «русские медведи»⁶⁰ намеревались пройти через Польшу, Ливонию и Курляндию, чтобы захватить Восточную Пруссию. В июне 1757 года, когда русская армия наконец перешла польскую границу, в ней насчитывалось 99 000 пехотинцев, 19 000 кавалеристов и 16 000 солдат иррегулярных войск. Отныне дипломатия уже не решала ничего, настал черед тактики и стратегии. Требовалось сплотиться против Фридриха и позаботиться о согласованности действий. Присутствие в русском штабе австрийских и французских высокопоставленных военных мешало выработать последовательный план наступления. У Апраксина не было права на ошибку: согласно указаниям, полученным от военного совета, ему надлежало в первое время избегать прямых столкновений с грозными пруссаками, предоставив это австрийцам. Русские, татары и калмыки вели себя так скрытно, были так рассредоточены, что Фридрих порой чуть не забывал об их скоплениях у самой своей границы. К тому же солдаты русской армии этого супостата боялись, необходимость атаковать его внушала им смутный ужас⁶¹.

Для того чтобы отразить наступление русских, Фридрих располагал тридцатью тысячами хорошо обученных и сна-

ряженных воинов под командованием Иоганна фон Левальда. Несмотря на несколько неудач в схватках с австрийцами под Колином и Хохкирхом, явно уступая противнику в численности войска, король, казалось, был уверен в победе. Главнокомандующий русской армией представлялся ему ничтожеством, не способным управлять такой многочисленной армией. Исполненный радужных надежд, Фридрих писал Левальду, чтобы тот пока подержал русских в напряжении, а уж он, король Пруссии, тем временем разделает австрийцев под орех. Тогда с Петербургом можно будет заключить сепаратный мир. Если же Левальд этих «варваров» разобьет, он договорится о мире на своих условиях: обязует их сохранять нейтралитет в будущих войнах и приберет к рукам Эльбинг, Кульм и Торн (нынешнюю Торунь) — города, находившиеся в то время под властью Польши.

Но вот Апраксин совершил стремительный бросок в глубь территории Восточной Пруссии. Мемель (нынешняя Клайпеда) пал сразу. Впервые войска России и Пруссии сошлись в сражении у Гросс-Егерсдорфа в августе 1757 года. Неорганизованность русской армии ошеломила даже врагов. Победа, казалось, была уже в руках пруссаков, но на выручку войску Апраксина тут подоспели два гренадерских полка из Новгорода и Нарвы⁶². Левальду пришлось отступить, и путь на Кенигсберг был открыт. Потерь с русской стороны оказалось вдвое больше, чем у неприятеля, но солдаты, похоже, осмелели и были готовы продолжать. Что до Фридриха, он вменил поражение под Гросс-Егерсдорфом в вину Левальду, тот, дескать, слишком стар, одряхлел. И поручил командование войсками, призванными отразить набег славянских варваров, графу Дона. Несмотря на жестокий разгром, он, похоже, не сомневался в своем конечном торжестве, в письмах заявляя, что с жалким воинством неприятеля «мы скоро благополучно разделаемся»⁶³.

Сверх всех ожиданий Апраксин приказал своим войскам повернуть обратно. Почему? По всей видимости, он опасался проблем с доставкой продовольствия и фуража⁶⁴. Но, согласно более распространенной версии, Бестужев сообщил ему, что Елизавета при смерти, а во главе с Петром русское правительство, вероятно, переметнется в противоположный лагерь, присоединившись к пруссакам и англичанам⁶⁵. Но императрица снова оправилась, она вызвала Апраксина в Петербург и предала суду военного трибунала. Он скончался во время следствия. Однако протесты австрийцев, возмущенных тем, что русские покинули театр военных действий, повлекли за собой и другие последствия: в феврале 1758 года Бестужев был смещен со своего поста. Его секретариат и все бумаги опечатали. Самого канцлера взяли под домашний арест, приставив к нему охрану в полсотни человек⁶⁶.

Впрочем, эти события являли собой лишь верхнюю часть айсберга: по существу, первый министр уже два года был отстранен от власти и находился под надзором Воронцова и Шувалова, не спускавших с него глаз. В указе от 27 февраля 1758 года объявлено об аресте «канцлера Бестужева»: государыня напоминала, сколько терпения и великодушия она проявляла в отношении сего лица, чью нечестивую хитрость и варварство заметила уже давно⁶⁷. Министр обвинялся теперь в таком злодеянии, как оскорбление величества! Такова расплата за сопротивление перемене политического курса Елизаветы и неприятие Версальского договора. Вскоре императрица распорядилась подвергнуть Восточную Пруссию продолжительной оккупации, и русские впрямь оставались там до самого конца войны. Командование армией империи было поручено пятидесятилетнему Виллиму Фермору, который особо проявил себя при первом завоевании Мемеля.

Русские в полной мере оправдали свою репутацию варваров. Когда отступали на восток после победы под Гросс-Егерсдорфом, они избрали тактику выжженной земли, не

щадя даже собственных войсковых запасов⁶⁸. Их бесчинства вошли в поговорку. Во дворце Жердо они резали скот в гостиных, а готовя себе еду, пускали на дрова драгоценное дерево столов и комодов⁶⁹. По мнению Архенгольца, со времен нашествия гуннов Европа не видела такого бедствия: русские заодно с татарами, казаками и калмыками опустошали край «огнем и мечом», как настоящие чудовища, убивали и калечили безоружных мирных жителей просто «ради сатанинского наслаждения». Многие женщины кончали с собой, чтобы избежать «скотской страсти» захватчиков⁷⁰. Как бы там ни было, одно очевидно: Апраксин оставил свои войска в состоянии полнейшего разброда.

Когда наступила зима 1757 года, Фридрих был убежден, что больше ему нечего опасаться русских. Слухи о том, что здоровье императрицы быстро ухудшается, все более усиливаясь, укрепляли его в мысли, что теперь можно отвести свои войска из Восточной Пруссии, чтобы использовать их против австрийцев⁷¹. К концу года в этом регионе оставалось всего 8000 солдат, притом не из лучших. Однако русская государыня, побуждаемая неукротимой ненавистью к Гогенцоллерну, рассчитывала возобновить наступление, как только лед на реках окрепнет: надобно действовать, утверждала она, дабы обеспечить безопасность России перед лицом угроз, исходящих от прусского короля⁷².

Кенигсберг в силу своей славной репутации и стратегического значения собирались взять как можно скорее⁷³. Захват этого города позволит двинуть армию в направлении Померании и там осуществить соединение со шведским войском. На Висле расположится войсковое соединение, силами которого будет обеспечиваться связь с высшим армейским командованием⁷⁴.

Население Восточной Пруссии охватила паника. Первый военный заем в ожидании русского наступления был потрачен на Кенигсберг: 90 000 талеров на подготовку города к обороне. На укрепление ограждений, крепостных стен и рвов были посланы 400 крестьян, но в отсутствие действен-

ного военного прикрытия эти меры оказались тщетными. Ополчение создавалось в спешке, состояло оно из двух дивизий: одну набрали из конных мясников, кучеров и винокуров, подкрепив эту кавалерию тремя тысячами пеших горожан, вооруженных мушкетами, в другую входили подмастерья с косами и вилами. Некоторых горожан вынудили покинуть свои жилища, в которых на скорую руку были оборудованы лазареты. Десять дней спустя власти Кенигсберга решили отослать всех крупных чиновников в Данциг. Государственная казна, архивы и фонды университетской библиотеки, а затем также богатства церкви были перевезены в Кюстрин (ныне Костшин)⁷⁵.

Когда Виллим Фермор, новый русский главнокомандующий, во главе войска из 27 842 человек двинулся к Кенигсбергу, он не встретил никакого сопротивления. Так случилось по небрежению Фридриха, который отказывался верить в «эту крайне неприятную новость»⁷⁶. Ополченцы, не имея никакого опыта в ведении боя и предвидя кровавую баню, заблаговременно разбежались. Три городских нотабля во главе делегации явились в деревню Каймен, чтобы вручить акт капитуляции захватчику, которого они просили оставить за ними их права и привилегии⁷⁷. Фермор обещал передать их просьбу в Санкт-Петербург. 22 января высшие чины русской армии как триумфаторы въехали в столицу Восточной Пруссии. Все колокола города приветствовали их звоном. Члены гильдий и корпораций стояли плотной стеной на обочинах дороги. Во дворце Фермора встретил интендант двора Лесгеванг, сопровождаемый ответственными лицами из городской администрации, суда, консистории, университета, а также депутацией от дворянства и буржуазии. Ему вручили ключи от города, каковые тотчас были отправлены в Санкт-Петербург для передачи Елизавете.

Фермор, протестант английского происхождения, рожденный в России, тотчас развеял страхи жителей Кенигсбер-

га. В феврале 1758 года он опубликовал манифест царицы: она сулила свое покровительство всем пруссакам, лояльным по отношению к ее персоне и ее представителям. Там же она утверждала, что армия Анраксина отступала из Восточной Пруссии без приказа с ее стороны, признавалась, что весьма удручена бесчинствами, которые творили ее подданные. И давала понять, что если ныне русские войска вернулись в эти края, то отчасти затем, чтобы доказать, сколь благотворно доброта и терпимость императрицы влияют на дисциплину ее воинов⁷⁸.

Что до Фридриха, он, не желая признавать своих ошибок, на первых порах все же смирился с необходимостью осознать «скверную новость». Но обвинил англичан в том, что они плохо содействуют ему в его борьбе⁷⁹.

Фермор не ограничился захватом Кенигсберга: он продолжил свой путь на запад. На очереди было завоевание Бранденбурга. Маршал с восьмидесятитысячным войском достиг Кюстрина в июле 1758 года, и Дона не доставил ему никаких хлопот. Взбешенный Фридрих сам выехал в войска, призывая защитников города продержаться до своего прибытия, грозил ужасными пытками и смертью любому, кто вздумает сдаться. Подъехав к Франкфурту-на-Одере, он увидел Кюстрин в огне. Марш русских на Берлин казался беспощадно неотвратимым. Однако военный гений Фридриха помог ему отсрочить их окончательную победу. В сражении у Цорндорфа он столкнулся с яростным сопротивлением этого «сброда», пришедшего с востока⁸⁰. 25 августа в восемь утра началась битва, в которой 50 000 русских, преимущественно пехотинцев, сошлись с 30 000 пруссаков. Прусская кавалерия под началом генерала Зейдлица в конце концов заставила врага отступить. Полк правителя Пруссии захватил снаряжение и кассу русской армии. Недостаток боеприпасов и усталость бойцов помешали Фридриху окончательно раздавить войско Фермора, которому удалось отойти к реке Варте.

Для Елизаветы речи не было о том, чтобы уступить, даже если бы ради уничтожения пруссака пришлось пожертвовать последним из своих людей и последним рублем. Сочтя Фермора слишком робким, она заменила его Петром Салтыковым, воином опытным, но пожилым. Императорская армия потеряла 19 000 человек; 3000 попали в плен, в том числе несколько генералов. Рассматривая этих пленников, Фридрих размышлял вслух: «У меня нет Сибири, чтобы сослать их туда. Пусть их бросят в казематы Кюстрина!» Когда же пленные офицеры высокого ранга осмелились запротестовать, он велел сказать им, что такое обхождение — расплата за неспровоцированные бесчинства их войск⁸¹.

Как стратег Фридрих побеждал русских, но ничто не могло им помешать продолжать свой путь на запад. Что до императрицы, она нашла убежище в созерцании. Елизавету утомило противоречие между реваншистским стремлением разделаться с прусским королем, даже если надо пожертвовать ради этого государственной казной и — вопреки ее принципам — жизнями подданных, и желанием установить прочный мир. Она запиралась в императорских часовнях и все молилась, молилась. Ее посты становились строже, она пренебрегала мнением врачей, стараясь искупить свои грехи и пролитую кровь.

Теперь король Пруссии шел от победы к победе: еще в ноябре 1757 года он одержал верх над французами в Росбахе, спустя месяц разбил австрийцев в Лейтене. Но в августе 1759 года в Кунерсдорфе его ожидало большое испытание. Король не удосужился оценить топографические особенности региона. Его солдаты увязали в болоте, из-за прудов они были вынуждены выбирать долгие обходные маршруты. Несмотря на все эти препятствия, пруссаки вроде бы выиграли бой — оттеснили русских к деревне Кунерсдорф и сильно потрепали левое крыло их армии. Депеши, возвещающие о победе, уже были отправлены в Берлин, когда подоспели австрийцы под началом Лаудона, готовые дать отпор Фрид-

риху. Тогда и Салтыков быстро изменил позиции, перестроил своих людей в новом порядке.

Не считаясь с тем, что его солдаты утомлены, король решил продолжать сражение. Он и сам не раз подвергал себя величайшему риску, его чуть не убили. Русские, согласно имеющимся свидетельствам, изобрели новую тактику: бросались на землю, притворяясь мертвыми, а когда пруссаки проходили мимо, стреляли им в спину⁸². Немецким солдатам пришлось отойти под защиту леса. Они потеряли 8000 убитыми, 15 000 были ранены, еще 3000 — захвачены в плен. Австрийцы и русские потеряли в общей сложности 24 000 убитыми*.

Фридрих сам едва не попал в плен к русским. Он понял, что состояние его армии не позволит ему защитить Берлин. Поэтому королевская семья бежала в Магдебург, захватив с собой государственные архивы. Наиболее состоятельные жители покидали столицу. А в Петербурге сапожники и министры ликовали: их армия раздавила самого прусского короля! Елизавета торжествовала. Приказала изготовить памятные медали: ими загрузили две повозки и отправили на фронт. Все дослужившиеся до чина генерал-поручика и выше получили орден Андрея Первозванного, солдатам выдали шестимесячное жалованье. Каждый австрийский полк, принимавший участие в баталии, получил 5000 рублей, которые были поделены между товарищами по оружию. Особо отличившийся австрийский генерал Лаудон удостоился шпаги, украшенной бриллиантами. Но императрица желала большего: надо было освободить от тирана Саксонию и Силезию!

На исходе октября 1759 года Силезия и Бранденбург были захвачены австрийцами и русскими. Уничтожены тысячи селений, совершены самые немыслимые акты вандализма. Русский флот тоже вступил в войну, он действовал у

* Русская армия потеряла 1900 человек, 172 орудия и в беспорядке отступила. Потери русских и австрийцев — 15 000 человек.

берегов Померании: Кольберг осадили двадцать семь военных судов с 15 000 человек на борту. Но разыгрался шторм, приведший к катастрофе: одиннадцать кораблей утонули вместе с экипажем. Город сопротивлялся отчаянно, но все-таки был захвачен пехотой под командованием Румянцева. Но Фридрих все еще не был разбит, его харизма в глазах войск значила немало. Надо было уничтожить ее. Но сначала должен был пасть Берлин, город науки и литературы, символ и воплощение величия Фридриха. 20 000 русских под командованием генерал-аншефа Захара Чернышева и 15 000 австрийцев стремительно приближались к прусской столице⁸³. Генерал Тотлебен, немец, состоявший на службе у Елизаветы, двигался впереди с 3000 русских. Город не был укреплен, его защищали всего 1200 человек — еще одна непростительная небрежность со стороны короля. Все население взялось за оружие, даже калеки и больные. Они сопротивлялись вражеской осаде, и вскоре берлинцам на помощь подоспел принц Вюртембергский с 5000 человек. Им удалось отразить атаку Тотлебена. Тем временем Чернышев дошел до Франкфурта-на-Одере, Петр Панин с семью полками был готов присоединиться к нему. Как оборонять столь обширный город? Артиллерийские обстрелы могли полностью разрушить его. Или следовало отважиться на сражение в чистом поле? В случае победы русских Берлин был обречен на разграбление. Итак, прусские войска отступили, предоставив столицу ее горькой участи⁸⁴.

Берлинские бюргеры отправились к русским, считая их менее обозленными, чем австрийцы. Тотлебен показал себя сговорчивым, но, следуя приказаниям штаба, потребовал выплатить отступное — 4 миллиона рейхсталеров, притом полновесных: он отказался принимать монеты, чей вес не соответствовал их указанной цене. Наперекор строгим наставлениям Салтыкова и настояниям австрийцев Тотлебен согласился на переговоры с берлинцами. Тамошнему купцу Иоганну Эрнсту Готцковскому удалось добиться, чтобы сумму снизили до 1,5 миллиона талеров плюс 200 000 для вой-

ска. Треть ратуша тотчас выплатила, на оставшийся миллион коммерсанты предложили выписать векселя. Вскоре Готцковский остался единственным переговорщиком, который объяснялся с русскими. Он сумел избежать худшего: благодаря его доброму согласию с Тотлебенем были спасены королевские фабрики, склады, где изготовляли ткань для нужд армии, золотые и серебряные мануфактуры. Однако арсенал опустошили вконец, а пороховую фабрику и монетный двор разрушили.

Ситуация ухудшилась с приходом австрийцев: в противоположность русским они стали селиться в домах местных жителей и терроризировать их хозяев. Пехотинцы и гусары колотили их почем зря, без стеснения разворовывали их одежду, тащили драгоценности и безделушки. Выйти из дома в ночное время значило остаться не только без кошелька, но и нагишом. Распаленные ненавистью, солдаты Марии Терезии ни перед чем не останавливались: грабили больницы, церкви, королевские конюшни. Австрийцы настолько распоясались, что Тотлебену пришлось увеличить численность русского гарнизона, дабы восстановить порядок в городе. Саксонцы, прибывшие позже, остановили свой выбор на Шарлоттенбурге: врывались в богатые жилища, все там опустошали, разнесли коллекцию древностей, столь дорогую сердцу короля. Русские тоже не зевали: оказавшись вдали от своего генерала, который обосновался в Берлине, они вздумали ободрать Шенхаузен, дворец увеселений королевы. Но поскольку все ценные вещи были эвакуированы, там уже нечего было грабить. В отместку они пустились калечить и мучить мужчин, а женщины и девушки становились жертвами их «скотской похоти»⁸⁵.

Австрийцы, саксонцы и русские прикидывали, что свои зимние квартиры они будут устраивать уже в Бранденбурге. Они мечтали закончить войну. Главная цель была достигнута: коронованный пруссак унижен потерей Берлина. Казалось, уже воцарился покой, но вдруг пришло известие: Фридрих приближается к столице. Оккупанты в спешке по-

кидали город: за два дня Тотлебен, Чернышев и их люди отошли километров на двадцать. Весь ход войны разом переменялся. Елизавета была в бешенстве: оставить пруссакам миллион талеров?! Фридрих на ее угрозы не обращал внимания, хотя был риск, что русские пойдут на Берлин снова. Они же, отступая, не пощадили ни одного города — были разрушены Кёпеник, Фюрстенвальде, Беесков, Ландсберг, Ораниенбург, Либенвальде, Фридрихсфельде. Все пространство от стен Берлина до границ Польши, Саксонии и Силезии походило на пустыню, ни коровы, ни овцы больше не паслось на лугах⁸⁶.

Несмотря на свои победы, Россия не могла более выносить тягот войны. Миллиона талеров, удержанных Фридрихом II, позарез не хватало для поддержания войск в должном состоянии. Империя была разорена: в 1760 году чиновникам гражданской администрации выплачивали не более половины их жалованья, и еще хорошо, если они хоть это получали⁸⁷. То тут, то там вспыхивали бунты местного значения. Новый канцлер Воронцов понимал всю серьезность положения. Он составил доклад, где изложил свои «Размышления» о тогдашнем состоянии военных и политических дел и о том, на каких основаниях возможно заключить мир, дабы избежать дальнейшего продолжения войны. Этот документ 10 ноября 1760 года он представил на рассмотрение сессии совета, а затем ознакомил с ним и представителей союзных держав⁸⁸. У России не оставалось больше средств на продолжение военных действий, она уже потеряла свыше 4 миллионов рублей.

Австрийцы были обескровлены, не говоря уже о французах, для которых сражения в Новом Свете и так уже предвещали финансовую катастрофу. Не пришло ли время сесть за стол переговоров? Состояние русской армии внушало крайнее беспокойство. От месяца к месяцу дезертирство принимало все большие масштабы, один из последних указов Елизаветы содержал требование, чтобы беглецы вернулись

в армию⁸⁹. К тому же затянувшаяся война усугубила противоречия внутри страны. Что делать ветеранам и инвалидам? Чтобы облегчить нужду этих обездоленных, в их пользу учредили лотерею, но без особого успеха: денежки остались в кубышках⁹⁰. Указ обязывал монастыри принимать покалеченных воинов, но настоятели, глухие к этому призыву, пускались на всевозможные уловки, чтобы избавиться от такой обузы. Наконец Сенат распорядился создавать в провинции богадельни, но Конференция настояла, чтобы их финансировали из местного бюджета. Да и принять они могли далеко не всех, кто нуждался в этом в столь кризисное время.

Но Елизавета отказалась смириться с таким статус-кво: она жаждала полной победы, ей нужна была голова прусского монарха. Ей пришлось заявить Эстергази, что она медлительна, пока колеблется, но когда решение принято, от своего не отступится — это исключено. Она продолжит войну вместе с союзниками, даже если придется продать половину ее платьев и бриллиантов⁹¹! Шувалов ради оздоровления финансов придумал расплавить старые медные пушки, чтобы начеканить монет. Колывано-Вознесенский рудник приносил золото и серебро, его добыча шла в собственную казну императрицы. Охваченная желанием дойти до цели, она согласилась уступить 16 000 килограммов серебра на чеканку монет, специально предназначенных для Восточной Пруссии.

Вскоре стало понятно, что все эти меры недостаточны. Конференция решила выпустить бумажные деньги — к величайшему огорчению Шувалова, убежденного, что русский народ только обозлится и поднимет его на смех. Но он быстро изменил свое мнение. В 1760 году правительство напечатало билеты, суммарная стоимость которых служила эквивалентом миллиону рублей. Они сохраняли эту ценность в течение года и приносили счастливым обладателям 6% чистого дохода. Вскоре бумажные купюры уже были в ходу, их признавали везде, за исключением государственных банков⁹².

Наперекор всем своим затруднениям Елизавета оставалась непреклонной: войну надобно продолжать! Она отклонила предложения Франции выступить посредником между Пруссией и Австрией, ей требовалось иное: вернуться в границы 1740 года, а затем снискать высшую честь, восстановив мир между Версалем и Лондоном.

Императрица не скрывала нетерпения и недовольства действиями своего штаба: Апраксин отступил после победы при Гросс-Егерсдорфе, Салтыков не воспользовался выигрышной позицией у Кунерсдорфа, чтобы окончательно раздавить Фридриха, из Берлина ушли... Все ее военные успехи не имели никакого политического резонанса, среди всего прочего из-за того, что между союзниками не было достаточной согласованности, но также и по вине вечно колеблющегося командования. Оставалась одна надежда — Александр Бутурлин, любовник ее юных дней (статус многообещающий): зимой 1760 года он встал во главе императорской армии, к немалой досаде офицеров и генералов, имевших весьма невысокое мнение об этом «старике», да сверх того еще и пьянице⁹³.

С координацией действий союзников дело обстояло плохо, они оказались неспособными выработать общую тактику и, маневрируя, создавали друг другу обоюдные помехи. Как спустя годы писал Фридрих II, командующий войсками Священной Римской империи рассчитывал на австрийского генерала, тот надеялся на русского, который уповал на шведского, последний же — на француза⁹⁴. Отношения между Петербургом и Версалем становились все напряженнее. Для проформы или когда это отвечало ее интересам, Елизавета считалась с пожеланиями Людовика XV. Она, к примеру, одобряла притязания сына Августа III на титул герцога Курляндского. И в обществе маркиза де Лопиталья императрица показывалась без колебаний, могла в полный голос утешать его после разгрома при Крефельде. Зато в своей тайной переписке с королем была нерадива, письмо Людовика подчас два месяца оставалось без ответа.

Новый кризис вызвали перемены в версальском министерстве, когда герцог де Бретейль занял место Берни. Франция терпела поражения в колониях; и новый министр, впад поначалу в уныние, затем взбодрился и решил побить англичан на их территории. Для этого ему потребовалась помощь — русский военный корпус в составе 12 000 человек. Когда с таким проектом сунулись к Воронцову, он его тотчас отверг. Чтобы достигнуть моря и взойти на корабли, русским солдатам пришлось бы продвинуться дальше Штеттина, ведь военная навигация у берегов Балтики запрещена в силу торгового соглашения между Британией, Швецией и Россией. К тому же немислимо отказаться от такой большой части своей армии сейчас, когда пруссаки еще не уничтожены.

Настояния Лопиталья ни к чему не привели — государственный канцлер резко напомнил ему, что его государыня воюет с Фридрихом, а не с Георгом II. В ответ французский дипломат рассыпался в пространных объяснениях: дескать, если Людовик участвует в войне в Центральной Европе, он делает это отнюдь не по причине раздора с Берлином, а исключительно из уважения к своим союзникам. Франко-русский альянс обманул ожидания обеих сторон. Диалога не получалось — у них не было общей цели.

В последние месяцы войны между Пруссией и Россией сражения велись в Силезии. На сей раз король Пруссии должен был отразить одновременно 60 000 австрийцев под началом Лаудона и столько же русских с Бутурлиным во главе. У Фридриха людей было вдвое меньше. Города Швейдниц и Кольберг пали быстро. Королю пришлось отступить к Бреслау и расположиться среди развалин дворца, где он некогда предавался своему любимому чтению, борясь с ипохондрией, которая, по его словам, грозила привести в приют умалишенных⁹⁵. Бутурлин устроил зимние квартиры в Померании, а Лаудон в Силезии. Казалось, пруссакам пришел конец, ведь все дороги, ведущие к тыловым складам, были

отрезаны. Фураж и провиант должны были скоро иссякнуть. У Фридриха оставалась последняя надежда: турецкая интервенция или на худой конец набег крымских татар, который вынудил бы русских отослать часть своей армии на восток. Но султан оставался глух к его призывам, предпочитая не вмешиваться в европейские дразги.

В этих отчаянных обстоятельствах Фридриха спас чудесный для него поворот событий: 15 января 1762 года до гарнизона, стоявшего в Кенигсберге, дошло известие, что Елизавета скончалась в самый день Рождества. Мрачное ощущение воцарилось в гарнизоне. Офицеры, занятые в канцелярии, боялись нового императора⁹⁶. Все знали симпатии Петра к Пруссии. Следовало ожидать больших перемен в тот самый момент, когда русские готовились окончательно прищучить короля-воителя. Последний, узнав эту новость четыре дня спустя, не мог этому поверить, а его офицеры толковали о божественном промысле, по воле которого спасен Бранденбургский царствующий дом⁹⁷.

Мирный договор между Россией и Пруссией был подписан 24 (по старому стилю 13) апреля 1762 года. И все-таки на закате своего царствования Елизавета одержала величайшую победу — унизила Фридриха II. Конечно, ненавистный пруссак был разбит не до конца, но отчаяние вперемешку с ипохондрией и мизантропией едва не толкнули его на капитуляцию. Смерть задела его прежде всего психологически, и он чувствовал себя «словно приговоренный к чистилищу»⁹⁸. И еще одним триумфом могла похвалиться русская императрица: аннексией Восточной Пруссии на протяжении четырех лет. Это обогатило ее самопровозглашенным титулом «Regina Prussiae» («Царица Прусская»). А ее подданные получили свое первое боевое крещение в Германии задолго до кровопролитий XX столетия, когда Кенигсберг, будущий Калининград, надолго станет символом русской гегемонии в Центральной Европе.

REGINA PRUSSIAE?

Кенигсберг и Восточная Пруссия на четыре года оказались под властью «русских медведей». Фридрих был уверен, что Елизавета присоединит этот регион к своей обширной империи; вконец приуныв, он даже заявлял, что готов уступить ей отторгнутые земли⁹⁹. Он считал, что варвары с востока, по своему обыкновению, ограничатся тем, что будут «обжираться, пьянствовать и грабить», но никогда не совершат «ничего великого»¹⁰⁰. Не тут-то было: русские вели себя образцово, управлять Кенигсбергом и Восточной Пруссией старались по справедливости. Король не смог скрыть возмущение, когда на тамошних придорожных указателях, ошарашивая путников, появилась надпись «Новая Россия»¹⁰¹. Разве не было это свидетельством намерения императрицы аннексировать территорию на веки вечные? Создала же она «Новую Сербию» для защиты своих границ! Да и контроль над Голштейнским герцогством, который князь Петр оставил за собой, говорил о желании России вмешиваться в германские дела. Намерение прибрать к рукам Восточную Пруссию выглядело логическим продолжением той же позиции. К тому же регион в этом случае создаст буферную зону, предохраняющую страну от прусской агрессии.

Опасения Фридриха подтверждались целым рядом важных признаков. Так, в первые же дни оккупации жителей Пруссии заставили принести клятву верности российской императрице, и новые хозяева края при всяком удобном случае напоминали им об этой волей-неволей обещанной преданности. Императорский указ, оглашенный в феврале 1758 года, повелевал во имя славы и чести защищать Восточную Пруссию как часть Российской империи. Если Фридрих попытается отвоевать ее обратно, совет прикажет армии все здесь опустошать, а мужчин, годных к воинской службе, мобилизовать, чтобы Гогенцоллерн не смог усилить за их счет свои войска¹⁰².

«Генерал-губернатором Прусского королевства» стал Фермор; все решающие административные функции в области финансов, правосудия, охраны порядка были поручены русским военным немецкого или прибалтийского происхождения. Большинство германских политиков предпочли покинуть столицу Восточной Пруссии. Военный совет потребовал от Фермора еженедельных донесений о состоянии городского управления и взаимоотношениях русских и пруссаков, вынужденных жить бок о бок. Первым же очередным манифестом Елизавета предоставила Кенигсбергу ряд привилегий. Местному населению гарантировали свободу вероисповедания. Лютеран и кальвинистов, составлявших здесь большинство, избавили от обязанности пускать русских военных на постой. Каждый мог распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению и без помех заниматься своими делами. Коммерция не будет подвергаться утеснениям, однако тем не менее останется под контролем оккупационных властей¹⁰³. Никого не будут принуждать идти на службу к русским. Чиновники города и всего региона имеют право подать в отставку, но им придется уступить четвертую часть своего состояния, если, конечно, они не предпочтут отправиться в ссылку в Россию. Собственность всех тех, кто бежал, чтобы примкнуть к бранденбургскому властителю, будет конфискована. Пятьдесят семь селений, принадлежавших таким беглым землевладельцам, отныне меняли свой статус: крестьянам надлежало теперь выплачивать налоги в казну императрицы.

Местная пресса подстрекала предприимчивых людей переезжать в Россию, ведь в этой стране не хватает жестянщиков, оружейников, ткачей, суконщиков, дубильщиков, сапожников и даже полковых музыкантов¹⁰⁴. Это способствовало тому, что бюргеры и чиновники стали служить новой администрации, а взбешенный таким поворотом событий Фридрих II в ответ развязал в Саксонии жуткие репрессии¹⁰⁵. Так или иначе, приходится констатировать, что король по-

прежнему весьма упорно воздерживался от комментариев по поводу судьбы Кенигсберга. Если он и вспоминал о ней, то лишь затем, чтобы выразить свое презрение к жителям города, всем этим трусам, изменникам, предателям, согласившимся присягнуть Елизавете.

С австрийской стороны все радовались столь успешному завоеванию; Мария Терезия пожаловала Фермору титул графа Священной Римской империи германской нации¹⁰⁶. А вот в Версале оккупацию Восточной Пруссии восприняли довольно кисло¹⁰⁷. Французская дипломатическая переписка того времени поражает своей двусмысленностью. Конечно, выигрышная позиция России в Восточной Пруссии позволяла Людовику и Марии Терезии сокрушить Фридриха, которого они именовали врагом рода человеческого¹⁰⁸. Но вместе с тем разговоры о вероятном разделе Польши или ее аннексии со стороны России уже были у всех на устах. Что до формальных обязательств Елизаветы отдать Восточную Пруссию королю Августу III в обмен на Курляндию и приграничные территории, об этом как та, так и другая сторона незамедлительно забыли. Людовику этот восточный фронт был необходим, ведь ему угрожали не менее тридцати тысяч пруссаков, стоявших у самого порога; вследствие этого Франция была вынуждена затыкать рот негодующим полякам¹⁰⁹. Король жаждал дать передышку своим войскам. Таким образом, выходило, что вопреки уверениям его представителей при дворах Центральной Европы в 1758 году Восточная Пруссия, Кенигсберг, да, чего доброго, и Польша отнюдь не входили в число первоочередных забот Людовика.

Фермор возвратился на театр военных действий в 1758 году. На прощание бюргеры Кенигсберга преподнесли ему походный шатер из зеленого шелка и 3000 флоринов. Генерал-аншеф, принимая столь щедрые дары, с трудом скрывал смущение. Спустя несколько недель в город торжественно въехал его преемник Николай Корф. Этот дипломат, военный высокого ранга и фактический кузен Елизаветы (по

жене) оставался в подчинении главнокомандующего, но оба они зависели от решений совета. Корфу было приказано поддерживать строгую дисциплину в частях, стоявших на территории Восточной Пруссии, а населению дать почувствовать великодушие и добрую волю ее императорского величества по отношению к завоеванным народам¹¹⁰. Во время правления этого аристократа, склонного к роскоши, жизнь в Кенигсберге изменилась.

Корф старался согласовать деятельность администрации города и всего региона с механизмами правления, принятыми на Руси; так, он учредил канцелярию Кенигсберга, призванную обеспечить централизацию управления краем¹¹¹. Новый правитель стремился заменять чиновников высокого ранга, не справляющихся с новой ситуацией или больных, молодыми и управляемыми из числа местных уроженцев, но за их работой должны были надзирать русские офицеры. Так, Андрей Болотов, великолепно владеющий немецким языком, был отозван из армии ради работы в канцелярии. Он изо дня в день фиксировал в своих записях трудности, возникающие в ее работе: оккупантам, не сведущим в местной юрисдикции и, главное, не знающим языка, мудрено разобратся в текущих делах; к тому же взаимопонимание между двумя нациями осложнено обоюдным недоверием, административная деятельность заторможена, особенно в сфере взимания налогов¹¹². В 1759 году в Восточную Пруссию были посланы десять студентов Московского университета; предполагалось, что они займутся переводом указов, законов и официальной корреспонденции. Но хотя эта задача превосходила их лингвистические возможности, их не отправили обратно на родину и они записались в университет Кенигсберга для дальнейшего обучения¹¹³.

Факультет права этого университета стал высшей юридической инстанцией региона — русские сочли недопустимым, чтобы здешнее законодательство определялось Берлином, остававшимся под контролем Фридриха II. Ответ-

ственность за дела, имевшие касательство к русской армии, была возложена на военную канцелярию Кенигсберга. Русских солдат, подозреваемых в грабежах, подвергали тяжким карам. Жертвы имели возможность обращаться с жалобами — согласно распоряжению, компенсации зачастую могли превышать причиненный урон. С другой стороны, 18 июня 1760 года Корффу пришлось пригрозить населению штрафами или наказаниями в случае нападков на его людей и дать обитателям провинции понять, что по отношению к оккупантам надлежит держаться смиреннее и достойнее¹¹⁴. Но несмотря на свою видимую пассивность и на то, что некоторым пришлось по вкусу новшества, которые захватчики привносили в местный образ жизни, жители Восточной Пруссии оставались сторонниками Фридриха Великого. Военнопленные часто умудрялись сбегать от своих русских стражей и возвращаться домой, а местные жители охотно помогали беглецам. Многие молодые люди покидали Восточную Пруссию, чтобы присоединиться к неприятельскому войску; при этом они смело могли рассчитывать на содействие обитателей пограничной зоны. Существовали также отдельные подпольные группы, причастность к которым каралась смертью, хотя этот приговор Елизавета заменяла пожизненной ссылкой в Сибирь¹¹⁵.

Заботясь о поддержании спокойствия внутри страны, Корф приказал разоружить местное население полностью. Даже ружья из коллекций конфисковали и передали в арсенал.

Хранить у себя свинец и порох было запрещено¹¹⁶. Вскоре правителя стали осypать жалобами крестьяне и лесники, которые больше не могли давать отпор браконьерам, «польским разбойникам», волкам и медведям. 3 апреля 1758 года лесным сторожам разрешили забрать свое оружие обратно; к концу года это позволение распространили на охотников и владельцев дворянских поместий — правда, под солидный залог¹¹⁷. Корф опасался возможных восстаний, бунта про-

тив русских гарнизонов. Он распорядился, чтобы дороги и городские ворота всегда были под надзором, передвигаться без пропуска стало невозможно¹¹⁸. Он даже запретил колокольный звон из боязни, как бы он не подтолкнул население к мятежу. Когда прусские войска приходили в движение, аресты на оккупированных землях учащались.

Манифест императрицы, датированный 5 марта 1758 года, требовал уплаты контрибуции в один миллион флоринов, причем сумма должна выплачиваться в два приема — первая часть 1 июля, остальное 1 сентября того же года¹¹⁹. По категориям населения сумма распределялась так: дворяне обязывались платить в общей сложности 112 690 флоринов, коммерсанты, дельцы и евреи — 686 960 флоринов, университет и его персонал — 32 351 флорин, судейские и духовенство — 16 308 флоринов. Две трети суммы приходились на жителей по категориям населения Кенигсберга. Маленькие городки, в особенности те, что понесли урон во время кампании Апраксина, не могли удовлетворить подобные требования, так что Кенигсбергу пришлось одолжить изрядную сумму Рагниту, Алленбургу и Гольдапу¹²⁰. Фермор и Корф поняли, что их «подданные» доведены до изнеможения, а между тем Россия вовсе не была заинтересована в разорении края. И вот наместники попытались добиться от Елизаветы уменьшения поборов. Царица согласилась на четверть сократить сумму контрибуции. Однако весной 1759 года вышел новый указ, внезапно повысивший ее до миллиона флоринов в городах и миллиона талеров для сельской местности. Запаздывающие с выплатами будут обязаны принимать на постой русских солдат. В небольших городах и селениях сбор подати оказался весьма затруднительным.

В 1760 году все мужское население, включая детей, обязали платить военную подушную подать 200 флоринов в год.

В Кенигсберге насчитывалось тогда 16 698 обитателей мужеска пола, из них 6320 были освобождены от подати и 6372 оказались неимущими; таким образом, 4006 человек

должны были выплачивать дополнительно сумму в три с лишним миллиона рублей¹²¹. Вскоре правитель получил петицию с детальным описанием внушающего беспокойство состояния населения; подписавшиеся под ней умоляли его упразднить налоги. Копия этого документа была отправлена Воронцову, к этому времени он уже был государственным канцлером империи. Депутация из трех человек отправилась в Петербург в надежде найти поддержку у влиятельных лиц. Эта поездка и подарки обошлись в 40 000 талеров. Воронцов отказался принять предложенные ему 20 000 рублей, найдя их «незаслуженными»¹²². И все же путешествие этих бюргеров увенчалось успехом: они добились отсрочки платежа и уменьшения суммы налога на 350 000 талеров. Расходы, предназначенные на содержание русской армии, также были урезаны. Наконец год спустя Елизавета распорядилась избавить Восточную Пруссию от налогового бремени, к немалой досаде союзников России Марии Терезии и Людовика XV. По их мнению, Фермор и его преемник Петр Салтыков не извлекали из этой страны никакого прироста, в то время как Фридрих II бессовестно эксплуатировал Саксонию и Мекленбург. Австрийцы и французы требовали от Воронцова объяснений: разве русские, пусть и без злого умысла, не обогащают Восточную Пруссию, тем самым подыгрывая Гогенцоллерну? Канцлер возражал, что все любобовные соглашения заключались через посредство Польши, население которой в первую очередь и получает от них выгоду. К тому же Кенигсберг и весь этот регион, по его мнению, слишком обеднели, чтобы выдержать новые налоги¹²³.

Вскоре русские оккупационные власти осознали, что в Восточную Пруссию из Бранденбурга просачиваются фальсифицированные деньги — монеты, вес которых не отвечал объявленной стоимости¹²⁴. В январе 1759 года некоему мастеру-чеканщику было поручено составить рапорт касательно выявленных обстоятельств и выдвинуть предложения по поводу создания новых монет. И в скором времени Воен-

ный совет приказал изготовить их с тем расчетом, чтобы они могли полноценно участвовать в обменных операциях. Воронцов набросал эскизы¹²⁵. Новые монеты в три, шесть и восемнадцать грошей полагалось чеканить в Кенигсберге; на них предполагали изобразить бюст Елизаветы, ее инициалы или двуглавого орла¹²⁶. Эти деньги были предназначены для выплаты жалованья русским военным и для покрытия армейских расходов. Едва монеты выпустили, они исчезли как по волшебству, а неполноценные продолжали появляться снова и снова. Весной 1760 года Корф опубликовал новый указ, ужесточивший санкции: тем, кто расплачивается такими деньгами или соглашается их принимать, грозит конфискация имущества. К исходу августа он приказал составить перечень монет, изымаемых из обращения с 1 января 1761 года. Населению предлагалось менять их на деньги нового образца под присмотром комиссии, состоящей из русского офицера и городского коммерсанта. Монеты с изображением Елизаветы становились все большей редкостью, сроки обмена снова были продлены. Проблемы с оборотными денежными знаками оставались неразрешимыми до окончания русской оккупации.

Фридрих II, разъяренный примиренческим поведением кенигсбергских бюргеров в отношении русских, на свой манер спровоцировал ужесточение политики тамошних правителей — Корфа и в особенности Петра Салтыкова. Король с беспардонным размахом развернул в Саксонии воинский набор для пополнения своей армии, но русские до 1761 года все же колебались, воздерживаясь от аналогичных мер. Их опасения были обоснованными: существовала реальная угроза, что здешние новобранцы, забритые силком, могли дезертировать и перебежать в прусскую армию. В крайнем случае парни из Восточной Пруссии могли бы служить на российской территории или охранять ее северные границы, но тогда возникла бы проблема с языком¹²⁷. К тому же тоска по родине вызывала бы в их среде болезни, самоубийства и по-

беги. Надзор за этими людьми пришлось бы поручить русским военным, чье присутствие куда нужнее на полях сражений. Фридрих же в который раз усложнил положение своих бывших подданных, угрожая высшей мерой наказания всякому, кто пойдет служить в русскую армию¹²⁸. Итак, русские отказались от мысли рекрутировать германцев в свое войско, но были тем не менее полны решимости компенсировать этот ущерб, вымогая плату натурой: съестными припасами, лошадьми и транспортными средствами для армейских нужд.

Вышел указ, обязывающий население поставлять русскому войску определенное количество зерна, сена, соломы и мяса. Жителям также поручалось снабжать его лошадьми, санями и повозками для доставки провианта. Уже в феврале 1758 года Корф распорядился о передаче войску 2000 саней, а в мае 1759 года потребовал уже 5000, запряженных четверкой, чтобы доставлять все необходимое из Мемеля в Кенигсберг. Все это предоставлялось якобы во временное пользование, но владельцам редко удавалось получить обратно свое добро: из-за скверных дорог, зимней непогоды и разболтанности русских солдат полозья и колеса приходили в негодность.

Оккупанты не щадили лесов Восточной Пруссии. Привычные к избытку топлива, они пренебрегали всеми законами культурного лесопользования. К тому же русской армии требовались балки, доски и бревна, а также дерево для производства древесного угля, предназначенного для горячейковки и получения смолы, в которой чрезвычайно нуждался флот. Офицер Яковлев признавался, что стародавний прусский закон, запрещающий рубить сучья без дозволения лесной охраны, привел его в замешательство. Чего ради везти строительный лес из Польши, когда его сколько угодно здесь, в окрестностях городов¹²⁹? Его соотечественники валили деревья тысячами, причем именно вблизи от Кенигсберга; территория Куршской косы стала непригодной для

обитания из-за того, что на вырубленные пространства наступали дюны. Корф на сей раз не колебался: когда строевого леса, пригодного для утилизации, более не оставалось, он приказывал разрабатывать леса, находящиеся в частной собственности. Русские, с одной стороны, старались уважать германские традиции, а с другой, стирали с лица земли все, что было связано с моральными, культурными и политическими установлениями Фридриха II.

Любое напоминание об этом короле попало под запрет: прусский орел исчез со стен зданий и газетных страниц, во всех казенных помещениях убрали портреты Гогенцоллерна, повесив вместо них Елизаветины. Русские офицеры бдительно следили за почтой, письма перед отправлением прочитывались, потом заклеивались и, если никаких проблем не возникало, отсылались адресату. Однако издательское дело в ту пору процветало: Якоб Кантер получил императорскую лицензию на создание издательского дома, Гарткнох готовил к публикации труды Канта, Гамана и молодого Гердера, который обосновался в этом университетском городе благодаря поддержке русского военного врача¹³⁰. Несмотря на оккупацию, столица Восточной Пруссии нисколько не утратила своей привлекательности в глазах интеллектуалов.

В отношении населения захваченного края русское правительство чередовало заигрывания и угрозы. Местные газеты в один голос превозносили роскошества Санкт-Петербургского двора, великодушие и человечность императрицы Елизаветы. Не иссякали и хвалы, расточаемые оккупационным властям под началом Фремора и Салтыкова и правлению Корфа: кто, как не они, обеспечивает поселянам и знати покровительство ее императорского величества? Фермор с первых же дней своего пребывания в Кенигсберге принялся старательно вводить в регионе все официальные русские праздники. 29 января 1758 года он распорядился праздновать «День вновь обретенного покоя»; каждая победа русских становилась поводом для торжественной церемонии, которая затем должна была ежегодно повторяться. Она не-

укоснительно сопровождалась церковной службой, во время которой пастор был обязан произнести проповедь во славу России; всякий намек на притеснения, связанные с оккупацией, любая жалоба на финансовые трудности, навязанные населению, — за все это полагались суровые кары. Но однажды некоего священника все-таки занесло, и тогда Фермор распорядился, чтобы тексты проповедей подвергались цензуре¹³¹. Он также вменил в обязанность возносить молитвы за Елизавету, причем верующие должны были молиться непременно вслух. По воскресеньям всякая профессиональная деятельность запрещалась, даже поселяне волею-неволей шли в церковь — от такого принуждения даже бесправный русский мужик у себя на родине был избавлен. Устремления воинские и церковные по всякому поводу совпадали, как это принято на Руси¹³². Стоило верующим затянуть «Тебе, Бога хвалим», с крепостных стен им в ответ гремели пушечные залпы, а по улицам торжественным маршем топали войска.

Корф, хоть и питал склонность к роскоши, не забывался. Он искал общества местных олигархов; молва утверждала, что он влюбился в графиню фон Кейзерлинг, урожденную Каролину фон Труксесс-Вальдбург, хозяйку самого шикарного из кенигсбергских салонов¹³³. Наподобие русской государыни, он тоже не обращал особого внимания на социальное происхождение своих сотрапезников: чтобы получить приглашение к нему, было достаточно иметь некоторые заслуги. Так, среди самых обласканных гостей Корфа встречались университетские профессора. К завтраку в свои дворцовые апартаменты он приглашал местных бюргеров. И худо приходилось тому, кто не был с ними достаточно любезен! Корф созывал дворян и богатых горожан на свои ужины и балы, где строго соблюдались требования к парадной форме одежды. По русскому придворному обычаю он регулярно затевал маскарады, в которых участвовали жители города, ошеломленные роскошной иллюминацией и фейерверками, устроенными на средства налогоплательщиков¹³⁴.

Знамена, расшитые латинскими изречениями, аллегорическими изображениями и эмблемами, славящими Елизавету, напоминали о терпимости и милосердии завоевателей.

Университет принимал участие в этих празднествах, но включался в действие не с самого начала, а спустя два дня. Тогда студенты и преподаватели собирались во дворе, чтобы присутствовать при торжественном шествии правителя, сопровождаемого военными. Уклониться от этой обязанности значило поставить крест на своей карьере, ибо служебное продвижение каждого зависело от решений Елизаветы. Иммануил Кант обратился к ней с просьбой предоставить ему кафедру логики и метафизики*¹³⁵ — тщетно: хотя он принимал кое-какие риторические предосторожности (именовал себя преданным рабом ее величества), его ходатайство проигнорировали.

Между тем императрица объявила себя гарантом независимости университетского обучения. На занятия туда записались восемнадцать русских студентов. Кое-кто из офицеров императорской армии тоже прошел тамошний курс, в том числе у этого Канта, в ту пору молодого преподавателя, который давал им также и частные уроки¹³⁶. Кажется, Кенигсберг становится вторым университетским городом гигантской империи после Москвы, где высшее учебное заведение было открыто в 1755 году. Русские власти проявляли особый интерес к библиотекам, где они распорядились вести систематический учет фондов. Эти фонды должны были послужить образцом при выборе книг, приобретаемых для Петербургской академии наук и Московского университета¹³⁷.

Офицеры с размахом пользовались своим мирным пребыванием в Кенигсберге: все их время занимали театры, маскарады, карты, бильярд, таверны и женщины легкого поведения¹³⁸. Эта праздная жизнь позволила им также открыть для себя евреев — народ, которому запрещалось селиться на российской территории. Болотов восхищенно любовался рын-

* Кант читал курс фортификации.

ками, где израилиты в традиционных одеяниях продавали диковины любого сорта. Благодаря своим друзьям он смог посетить кенигсбергскую синагогу. Он оставил нам подробное описание, свидетельствующее об уважении к любой религиозной практике, воодушевленной глубокой верой, которая исходила от этих людей, что там молились. Однако само богослужение оказалось выше понимания молодого офицера, и он, взбудораженный звуками, которые для его слуха были дисгармоничными, и странной молитвенной жестикulyцией прихожан, не выдержал и расхохотался. Прежде чем покинуть синагогу, он не преминул обратиться к старейшим из присутствующих с благодарностью, что доставили ему такое «развлечение»¹³⁹. Но до последнего предела его изумление дошло тогда, когда ему довелось побывать на свадьбе в доме богатых еврейских коммерсантов: по сути, его сотрапезники ничем не отличались от того высшего прусского общества, к которому молодой переводчик успел привыкнуть, настолько безукоризненно ассимилировались зажиточные израилиты, в особенности дамы¹⁴⁰. И в то же время русские власти с подозрением относились к евреям — выходцам из Польши; архивы канцелярии Кенигсберга свидетельствуют о том, что судебные процессы по обвинению их в воровстве, шпионаже и изготовлении фальшивых монет стали затеваться чаще. А указ от 25 сентября (6 октября) 1761 года приравнивал евреев, среди прочего, к браконьерам¹⁴¹.

Читая акты Тайной канцелярии, нетрудно заметить, что среди русской элиты того времени возникло увлечение франкмасонством. Его «импортировали» в Россию офицеры-иностранцы, в числе коих был генерал Кейт, тем временем перешедший на службу к Фридриху II. Сама же Елизавета под влиянием высших чинов своей церкви по-прежнему считала, будто масоны практикуют кровавые языческие обряды, противоречащие предписаниям православия. Она не стала добиваться запрещения франкмасонства, но те, кто к нему примкнул, считали за благо это от нее скрывать. Пребыва-

ние в Кенигсберге для многих молодых офицеров, таких как Александр Суворов или Григорий Орлов, стало поводом посещать масонские ложи сколько вздумается. В 1760 году «братья», русские и местные, собирались на постоялом дворе «Три короны» (то есть прусская, польская и российская); эти контакты, несомненно, способствовали распространению франкмасонства в России в ближайшие десятилетия¹⁴².

Восточные религиозные обряды озадачивали население Кенигсберга, но не оскорбляли его чувств: жители с любопытством глазели на большие православные церемонии, как, к примеру, водосвятие, которое праздновалось в начале каждого года. Старинный храм общины кальвинистов служил теперь гарнизонной церковью, где собирались также немногие штатские, исповедовавшие православие. Начиная с сентября 1760 года русские верующие проводили свои богослужения в церкви Святого Николая (она же Штейндаммер-кирхе, ныне разрушенная). Она слыла одним из красивейших готических храмов города, и ее не превратили в недействующую — вместо этого ее реставрировали и привели в соответствие с надобностями восточного ритуала: там устроили иконостас, соорудили люстры, украшенные двуглавым орлом, и, наконец, упразднили скамьи. Ввиду сложившейся ситуации Елизавета направила туда архимандрита Ефрема с многочисленной свитой попов, певчих и монахов. Едва вступив в пределы города, это высокое духовное лицо получило право на почести, равные тем, какие полагались правителю. Он поспешил благословить бывший лютеранский храм, дабы окончательно преобразить его в православный. Корф потребовал, чтобы католическое и протестантское духовенство приняло участие в торжественном открытии Ефремом этой церкви. Населению от всего этого стало несколько не по себе, люди усмотрели в этой демонстрации притязания на моральное превосходство, хотя русские никакого прозелитизма не допускали. Кое-кто расценил это как знак, что оккупация Восточной Пруссии затя-

нется надолго. Их опасения подтверждались и тем, что прусского орла везде и всюду упорно заменяли двуглавым¹⁴³.

Современники отмечали с беспокойством, что русские принесли с собой присущую им тягу к пышности, что привело к порче нравов населения, до той поры настроенного довольно пуритански. Порча эта распространялась с пугающей быстротой: численность фальшивомонетчиков, воров, сводников и проституток во все годы русской оккупации непрерывно росла. Шефнер, шокированный крайней вольностью поведения, свойственной женам русских офицеров, в том числе самых высокопоставленных, боялся, как бы их пример не привел к тому, что дочери прусской знати и горожан эмансипируются тоже. И впрямь появление русских во многом изменило положение местных женщин. Тот же автор с горечью отмечал, что их уж теперь «так запросто не принудишь»; русские офицеры и адъютанты приятной наружности не только приглашали их на танец, но и пускали в ход все мыслимое искусство куртуазии. Григорий Орлов, будущий любовник Екатерины II, похоже, разбил в тех краях немало сердец¹⁴⁴. Вопреки запрету властей было заключено несколько смешанных браков; невесте непременно приходилось менять конфессию, и свадебная церемония происходила в православной церкви.

Русские офицеры выставляли свое богатство напоказ, они вели роскошную жизнь, распространяли французские гастрономические изыски, пили пунш, кофе и чай, успевшие войти в обиход высшего общества Санкт-Петербурга. Вслед за ними прусские дворяне, буржуа и поселяне стали обращать больше внимания на свою наружность, и даже конская сбруя теперь выглядела по последней моде. Что до русских, они, в свою очередь, открыли для себя картофель, причем по незнанию, как его готовить, да и от обжорства многие всерьез занемогли, было даже несколько смертельных случаев¹⁴⁵. Оккупанты обратили также внимание на особые свойства янтаря: в 1760 году эту драгоценную смолу дос-

тавляли в Зимний дворец целыми ящиками. Судя по всему, такое решение было принято в масонских кругах: Корф поручил транспортировку одному из «братьев», голландскому лейтенанту Хейндрику фон Кейсеру. Ему помогал в этом молодой завсегда́тай лож, студент Теодор Готлиб Гиппель, оставивший исключительно любопытные воспоминания о своем путешествии¹⁴⁶.

Казалось, завоевателям удалось своим деликатным обхождением обмануть жителей Восточной Пруссии настолько, что они и думать забыли о своем короле. В частных письмах даже сам Фридрих II признавал, что «медведи» ведут себя прилично¹⁴⁷. По мнению Архенгольца, сомнений не оставалось: «Русские считают провинцию своей собственностью и намерены после заключения мира прибрать ее к рукам»¹⁴⁸. Ходили и другие слухи: мол, Елизавете придется уступить Восточную Пруссию или хотя бы ее часть Польше, чтобы таким образом возместить польскому королю, который одновременно является курфюрстом Саксонии, ущерб, причиненный действиями разгневанного Фридриха. После падения Дрездена, и особенно — с февраля 1757 года, граф Генрих фон Брюль, премьер-министр саксонского курфюрста, посылал в российский военный совет депеши подобного содержания. Бестужев ловко увиливал от ответа, он не мог удовлетворить эти притязания, поскольку австрийцы и в мыслях не имели аннексировать прусские территории. К тому же на карту была поставлена честь Елизаветы — не затем она завоевала Кенигсберг, чтобы уступить его другому¹⁴⁹.

Аппетиты русских вызывали тревогу в придворных кругах Европы. Царица вступила в коалицию, чтобы обуздать Фридриха и позволить Вене получить обратно Силезию; о завоеваниях, рассчитанных на длительное время, с ее стороны никогда и речи не было. После сражения под Кунерсдорфом (30 июля 1759 года*) новый слух привел в уныние коронованных особ, в первую очередь Людовика XV: Рос-

* Сражение произошло 1 (12) августа.

сия обменяет Восточную Пруссию на земли Западной Украины вплоть до Днестра. По другой версии, возникшей со времени подписания Версальского договора, Восточная Пруссия отойдет под власть Варшавы в обмен на Курляндию и земли, расположенные вдоль общей с Россией северной границы. Это позволит России главенствовать в торговых делах на Леванте благодаря контролю над грузоперевозками по Черному и Балтийскому морям. Укрепившись таким образом, Россия станет угрожать владениям Порты на Балканах и ослабит султана, старинного союзника Франции на юго-востоке.

Итак, политика императрицы внушала недоверие: вероятная аннексия этих многоконфессиональных регионов, расположенных возле западных границ России, даст ей возможность воздвигнуть там бастионы православия. Была и еще одна гипотеза: Восточная Пруссия войдет в состав империи; Польша в этом случае не останется целостной. — иные поговаривали уже и о разделе ее территории¹⁵⁰. Отношения между Версалем и Санкт-Петербургом были отравлены этими подозрениями, но союзники не могли обойтись без русской армии. Напряженность возрастала день ото дня; члены Конференции отказывались возобновлять переговоры относительно стратегий, которые надобно принять на вооружение в борьбе с противником, и угрожали вообще выйти из альянса с Францией и Австрией. К тому же Фридрих не остался глухим ко всем этим слухам, он принялся интриговать в пользу расширения российской территории за счет Украины. Он давал понять, что был бы готов способствовать этому предприятию, если бы Елизавета захотела подписать с ним сепаратный мирный договор¹⁵¹. Мария Терезия и Кауниц, опасаясь потерять свое православное меньшинство, разработали другой план: предложить великому князю Петру, наследнику русского престола, Восточную Пруссию в обмен на его голштейнские владения, соблазняющие Данию. Но этот проект тотчас был отвергнут. Ни для кого не остава-

лось тайной восхищение, которое будущий Петр III питал к прусскому королю, а подобные переговоры могли привести к рискованному сближению этих двоих в момент, когда Европа боялась за здоровье Елизаветы¹⁵².

Но отказалась ли Россия от своих замыслов аннексии под давлением союзников¹⁵³? Ужесточение русской политики после оккупации Берлина в 1759 году доказывает обратное. 7 января 1760 года саксонский советник Прассе писал из Петербурга, что Россия из стратегических соображений намерена сохранить за собой Кенигсберг и Мемель, поскольку их порты могут принимать фрегаты и галеры¹⁵⁴. Конвенция между Россией и Австрией, подписанная в Санкт-Петербурге 21 марта 1760 года, содержала особый секретный пункт, где шла речь о разделе территорий. Елизавета и Мария Терезия обещали друг другу «обоюдно и самым торжественным образом», что императрица-королева снова получит во владение Силезию и графство Глац. Прусское королевство, «ныне завоеванное армиями ее величества императрицы Всероссийской», отойдет к последней в качестве справедливой компенсации за ущерб, причиненный войной, и за все то, что было ею сделано «во имя общего благородного дела». Этот пункт войдет в силу при условии, что Австрия получит территории, упомянутые выше. Дополнительная декларация, датированная тем же днем, уточняла, что Россия оставляет за собой право в будущем принять в отношении королевства Прусского такие меры, какие будут равным образом приятны и для него, и для республики Польской¹⁵⁵. Елизавета никогда не планировала никаких территориальных уступок в пользу Польши. Основной текст декларации подчеркивает ее «в высшей степени обоснованное» право сохранить свои завоевания. Отдельный пункт посвящен Саксонии: она, ослабленная Фридрихом, должна возвратить себе все курфюршеские владения. Что до короля Польши, ему было предложено делать все необходимое, чтобы «содействовать усилиям двух императорских дворов»¹⁵⁶. Его задача состояла

в том, чтобы пропускать через свою территорию русские войска и поддерживать их. Долго ли царица собирается удерживать Кенигсберг и его страну или все это лишь на время, чтобы смягчить ущерб, нанесенный войной? Провинция была обескровлена — следовательно, за ее аннексией стоял геополитический расчет в чистом виде. Но надобно прибавить сюда и привлекательность Кенигсберга с точки зрения его научного и культурного престижа, порукой тому интерес русских к интеллектуальной жизни этого города. Сведение прусского королевства к одному лишь курфюршеству Бранденбургскому позволяло Елизавете присоединить к своим многочисленным титулам еще один — «царица Прусская»¹⁵⁷: ее тщеславной и мстительной душе было трудно отказать от такой чести.

Возникали и другие признаки, подтверждающие, что замысел включения этих земель в состав России реален. Корфа, а за ним и Салтыкова сочли слишком мягкими правителями; раздавалось немало голосов, осуждавших их политику¹⁵⁸. Был выпущен манифест, возвестивший о назначении на их место Василия Суворова, которому было поручено твердо стоять на страже интересов своей армии. Его солдатам более не дозволялось помогать местным жителям в их повседневных трудах. Вспомнили также о рекрутском наборе пруссаков, за это взялись всерьез: Елизавета более не желала терпеть, чтобы одни лишь ее подданные несли на своих плечах тяготы войны. Отныне Восточной Пруссии полагалось поставлять солдат в русскую армию. Две сотни молодых людей дезертировали, их семьям пришлось выплачивать большой штраф — 200 талеров за человека¹⁵⁹! Новому правителю надо было навести порядок в администрации и повысить налоги, выплачиваемые в пользу России. В противоположность Корфу он проявлял непреклонность: всякого, кто упорствовал и не платил, подвергали аресту как преступника. Цены за наем саней, повозок и экипажей для русской армии были понижены вдвое; население впервые после разгрома не на шутку ощутило на себе гнет русской оккупации¹⁶⁰.

Кончина Елизаветы, наступившая 25 декабря 1671 года (по новому стилю 5 января 1762 года), положила конец всем этим намерениям. Фридрих объявил, что готов оставить провинцию в руках нового русского императора, своего тайного союзника, вплоть до подписания всеобщего мирного договора¹⁶¹. Суворова Петр III сместил, заменив Паниным, получившим задание подготовить отвод войск. Болотов вместе с большой компанией молодых офицеров возвратился на родину; отъехав на две версты от Кенигсберга, он оглянулся и в последний раз с нежностью, любовью и благодарностью посмотрел на город. Он увозил с собой целую библиотеку, собранную за время пребывания в Восточной Пруссии, важнейшее для русских приобретение¹⁶². 13 (24) апреля 1762 года Петр III подписал мир с Фридрихом; он возвратил ему Восточную Пруссию безо всяких условий. Кенигсберг и окружающие его земли вновь стали собственностью Гогенцоллерна. Но тот, исполненный злобы к местному населению, которое, на его взгляд, оказалось чересчур податливым, решил, что больше никогда ноги его там не будет.